
ИМЛ — Библиотека
ВМ95
Т719

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ и ВЕЛИКАЯ ВОЙНА.

I

ВОЙНА
АВСТРО-ВЕНГРІИ
ПРОТИВЪ СОБСТВЕННЫХЪ ПОДДАННЫХЪ.

МИЛАНЪ ТОПЛИЦА.

Цѣна 50 коп.

Главный складъ—книжный магазинъ „Н. Я. ОГЛОБЛИНА",
Петроградъ. Екатерининская ул., 2.

Кор. Србског

Секретарь Генеральнаго Консульства въ Мос...

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ и ВЕЛИКАЯ ВОЙНА.

I

ВОЙНА АВСТРО-ВЕНГРІИ

ПРОТИВЪ СОБСТВЕННЫХЪ ПОДДАННЫХЪ.

МИЛАНЪ ТОПЛИЦА.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1915.

Предисловіе.

Скрытно отъ всего міра Австро-Венгрія неистовствуетъ противъ своихъ подданныхъ южной части имперіи и, пользуясь военнымъ временемъ, когда вниманіе всѣхъ поглощено міровыми событіями настоящей грандіозной войны, она принимаетъ всевозможныя мѣры, стремясь уничтожить въ границахъ своей имперіи сербскую или южно-славянскую идеи. Сотни людей изъ южныхъ областей имперіи, безпомощныхъ, беззащитныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ, разстрѣляны, повѣшены или просто зарублены топорами; десятки тысячъ томятся въ темныхъ и сырыхъ тюрьмахъ, напрасно ожидая дня, когда ихъ приведутъ на судъ; сотни тысячъ несчастныхъ, изгнанныхъ изъ своихъ разоренныхъ и сожженныхъ дѣдовскихъ очаговъ и домовъ, какъ нищіе, бродятъ теперь изъ одного мѣста въ другое. Ругань, оскорбленія и издѣвательства враговъ сопровождаютъ ихъ, встрѣчаютъ осенніе дожди, зимніе вѣтры и морозы...

Но не слѣдуетъ думать, что все это происходитъ на территоріи, завоеванной вражескими полчищами, нѣтъ—это сильная Двуединая имперія Габсбурговъ ведетъ неслыханную войну противъ своихъ же безоружныхъ и безпомощныхъ подданныхъ. Въ этой книгѣ поэтому мы совершенно не будемъ касаться тѣхъ безпримѣрныхъ и ужасныхъ звѣрствъ, совершенныхъ австрійскими войсками на территоріи королевства Сербіи,—они и такъ уже частью извѣстны обществу,—мы говоримъ лишь о насиліяхъ, творимыхъ по отношенію къ славянамъ на территоріи Австро-Венгріи. Конечно, мы не можемъ дать полной исчерпывающей картины всѣхъ тѣхъ насилій и жестокостей, совершенныхъ и понынѣ совершаемыхъ австрійцами, хотя бы уже потому, что безсильны это сдѣлать, такъ какъ австровенгерское правительство приложило всѣ усилія къ полному закрытію своихъ границъ, чтобы никакія извѣстія не проникали за предѣлы имперіи. Данныя, приведенныя въ этой книгѣ, должны служить читателю лишь матеріаломъ, на основаніи котораго онъ могъ бы получить представленіе о томъ, что происходитъ въ настоящее время въ южныхъ областяхъ австро-венгерской имперіи.

Однако, приведенныя данныя, если и не претендуютъ на исчерпывающую полноту, имѣютъ все же преимущество доподлинной вѣрности.

Частью они составляютъ личныя наблюденія автора настоящихъ строкъ, имѣвшаго возможность пробыть довольно продолжительное время въ предѣлахъ Австро-Венгріи послѣ объявленія войны; частью используемые факты сообщены непосредственно пережившими всѣ ужасы гоненія бѣглецами, частью же почерпнуты изъ мѣстныхъ органовъ печати, которые удавалось тѣмъ или инымъ способомъ провезти черезъ границу. Эти послѣдніе, значитъ, прошли черезъ австро-венгерскую цензуру.

При пользованіи нѣкоторыми фактами мы часто лишены будемъ возможности называть имена тѣхъ лицъ, которымъ мы обязаны собираніемъ ихъ или которыя намъ эти свѣдѣнія сообщили: къ этому принуждаетъ насъ то обстоятельство, что лица эти и по сіе время живутъ въ Австро-Венгріи. Считаемъ, однако, нужнымъ отмѣтить, что всѣ извѣстія, данныя и факты, приведенные въ настоящей книгѣ, собирались съ тщательнымъ разборомъ и большой осторожностью. Лишь по окончаніи войны, когда все, что происходитъ въ наши дни, получитъ свое полное освѣщеніе и разоблаченіе, читатель сможетъ удостовѣриться, насколько вѣрны и справедливы наши сужденія.

Авторъ.

Пасха 1915 г.
Венеція.

I.

Подготовка войны противъ Сербіи.

Во всѣхъ поступкахъ и мѣропріятіяхъ австро-венгерскаго правительства въ теченіе послѣдняго десятилѣтія чувствовалось, что военная партія беретъ верхъ. Въ Двуединой монархіи нѣмцы и мадьяры держали, такъ сказать, на цѣпи всѣ остальныя входящія въ государство девять націй,—но бюрократическая система, дававшая въ прежнія времена довольно плодотворные результаты, въ послѣдніе годы оказалась уже безсильной сохранить цѣльность государства, базирующагося на отжившихъ принципахъ; это время не прошло даромъ для подчиненныхъ націй: въ немъ онѣ почерпнули силу и мощь сплоченности и пробудившагося сознанія. Неизбѣжный раздоръ между многочисленными націями и грядущій упадокъ монархіи являлись для Европы лишь вопросомъ времени. При такомъ положеніи вещей въ Габсбургской монархіи становилось вполнѣ понятнымъ стремленіе военной партіи захватить власть въ свои руки. Военнымъ пред-

ставителямъ этой партіи казалось это тѣмъ болѣе необходимымъ, что австрійская армія, не воевавшая уже болѣе полувѣка, искала какого бы то ни было поля для своихъ дѣйствій. Кромѣ того, предполагалось, что внѣшніе успѣхи дали бы возможность прикрыть и замаскировать неурядицы, царящія внутри монархіи. Военная партія поэтому все съ большимъ и большимъ упорствомъ защищала имперіалистическую политику, направляя ее къ югу, потому что, во первыхъ, у Сербіи, какъ у самой слабой сосѣдки, она могла легко найти нужные ей дешевые лавры, а во вторыхъ, потому, что черезъ Сербію могъ бы идти путь на Салоники и глубже, въ разные края центральнаго Балкана, главнаго потребителя и покупателя продуктовъ австровенгерской промышленности.

Вотъ тутъ то и лежитъ ключъ къ пониманію внѣшней политики Австро - Венгріи, которая всегда была провокаціонной по отношенію къ Сербіи, постоянно вызывая ее на столкновенія. Напримѣръ: Австро-Венгрія своимъ ультиматумомъ помѣшала Сербіи осуществить свою таможенную унію съ Болгаріей, впослѣдствіи вела таможенную войну противъ Сербіи, затѣмъ аннексировала Боснію и Герцоговину, была близка къ объявленію Сербіи войны изъ-за мистификаціонной аферы своего консула въ Призренѣ Прохаски, угрожала Сербіи войной изъ-за Скадра

(Скутари), изъ-за Албаніи, которую возмутила и направила противъ Сербіи (въ сентябрѣ 1913 г.) и т. д.

Но всѣ эти систематическія притѣсненія, идущія съ сѣвера, всѣ эти завоевательные планы сосѣда—давали результатъ, совершенно противоположный ожидаемому отъ ихъ дѣйствія: они давали могучій толчекъ къ развитію противодѣйствія и отпорной силы Сербіи и сербовъ противъ столь ярко выраженныхъ имперіалистическихъ замысловъ Австро-Венгріи. Сербы, живущіе въ южныхъ предѣлахъ австро - венгерской монархіи, естественно, чувствовали непреодолимое стремленіе къ свободному сербскому государству, туда ихъ влекла одна и та же съ кореннымъ населеніемъ Сербіи національная традиція, одна и та же національность. Къ этой противодѣйственной политикѣ сербовъ противъ Двуединой монархіи постепенно и все больше приближались и хорваты со словенцами; первые потому, что они, какъ часть одного и того же славянскаго народа, стремились къ этническому и культурному объединенію, а вторые потому, что опытъ прошлаго показалъ имъ, что Австрія и для нихъ является столь же исконнымъ и естественнымъ врагомъ, какъ и для всѣхъ славянъ.

Таковъ путь развитія противодѣйствія и укрѣпленія національнаго сознанія сербовъ въ

новое время, сознанія, которое во время послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ проникло уже въ самые широкіе слои народа, а во всѣхъ южныхъ областяхъ монархіи вся національная дѣятельность сводилась къ культурному объединенію сербовъ, хорватовъ и словенцевъ.

Такимъ образомъ, въ самой Австро-Венгріи создалась сильная преграда ея экспансивнымъ стремленіямъ, и австро-венгерское правительство, очутившись передъ этой преградой, какъ передъ свершившимся фактомъ, сочла нужнымъ въ своей внѣшней политикѣ распространять по всему міру тотъ взглядъ, что всѣ эти юго-славянскія идеи, овладѣвшія умами ея подданныхъ, вовсе не родились въ самой монархіи, а злонамѣренно занесены въ нее извнѣ, именно изъ Сербіи. Во внутренней политикѣ правительство примѣнило всѣ мѣры воздѣйствія, не брезгая и самыми отвратительными насиліями,—все для того, чтобы какъ нибудь остановить, задушить, съ корнемъ уничтожить пробудившееся національное сознаніе у своихъ юго-славянскихъ подданныхъ (особенно у сербовъ). Въ словенскихъ областяхъ были закрыты національныя школы въ угоду германизаціи; къ управленію страной были привлечены клерикальные круги. Въ связи съ создавшейся обстановкой, австрійское правительство относилось къ экономическому положенію *Далмаціи* съ такой небрежностью, что скоро бѣд-

ность этой несчастной страны (сеймъ которой уже давно былъ закрытъ) положительно вошла въ пословицу. Въ *Хорватіи* и *Славоніи* мадьяры попираютъ всѣ автономныя права, гарантированныя въ 1868 г., вводятъ мадьярскій языкъ на желѣзныхъ дорогахъ, разгоняютъ одинъ сеймъ за другимъ и вмѣсто конституціонныхъ бановъ назначаютъ своей властью генераловъ и комиссаровъ. *Въ южной Венгріи* попираютъ всѣ права сербовъ, уничтожаютъ ихъ церковную автономію, вводятъ мадьярскій языкъ въ частныя сербскія школы и изгоняютъ сербскій языкъ изъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній. Въ *Босніи* и *Герцеговинѣ,* которыя, какъ въ свое время говорилось, аннексировались лишь для того, чтобы имѣть случай дать имъ конституціонныя и гражданскія свободы, послѣ аннексіи режимъ становится еще болѣе тяжелымъ; страна получаетъ вполнѣ военное правленіе, къ дѣятельности оппозиціонныхъ партій относятся самымъ грубымъ образомъ, выборы, неугодные правительству, вовсе не признаются, печать испытываетъ неистовства грубой цензуры, арестуются безъ счета и числа люди ни въ чемъ неповинные, а приверженцы оппозиціонныхъ партій безъ дальнихъ околичностей признаются злонамѣренными бунтовщиками. Такому безцеремонному отношенію даютъ примѣръ даже боснійскій министръ Билинскій и шефъ боснійскаго правительства гене-

ралъ Потіорекъ, которые открыто въ оффиціальныхъ приказахъ называютъ членовъ „Народа“ — оппозиціонной сербской партіи въ Сараевскомъ соборѣ (сеймѣ),—„противниками династіи“ *).

*) Незадолго до объявленія войны австрійскія власти закрыли Боснійскій Соборъ (сеймъ). Полуоффиціозная печать истолковала мѣру эту, какъ отмѣну боснійскаго парламентаризма, какъ вполнѣ правильный, диктуемый условіями времени, шагъ, дающій возможность правительству отдать подъ судъ народныхъ представителей, не церемонясь со всевозможными формальностями. Одна нѣмецкая газета, издаваемая въ Босніи, обсуждая дѣятельность Боснійскаго сейма, дѣлаетъ его отвѣтственнымъ за возникновеніе европейской войны на томъ основаніи, что онъ будто бы былъ составленъ изъ крайне радикальныхъ элементовъ. Между тѣмъ Боснійскій сеймъ тутъ совершенно не при чемъ, такъ какъ народные представители и политическіе дѣятели выразили лишь свое естественное чувство возмущенія, когда среди разврата, подкупа и насилія, развиваемыхъ боснійскимъ правительствомъ, имѣли мужество сказать: «Мы сдѣлали все, что было въ предѣлахъ нашей возможности, больше мы ничего сдѣлать для блага страны не въ состояніи». Такимъ образомъ народный сеймъ, какъ единственный вѣрный регуляторъ народныхъ стремленій и желаній, былъ закрытъ. Тогда молодое поколѣніе, какъ болѣе живое и подвижное и менѣе терпѣливое, создало другой регуляторъ—начались террористическія покушенія, слѣдовавшія одно за другимъ. Эти покушенія доказали, что, будучи дѣломъ частныхъ рукъ, или особо воодушевленныхъ «горячихъ головъ»,—они на самомъ дѣлѣ являются вѣрными показателями отношенія народа къ своимъ угнетателямъ-чужестранцамъ. Сараевское покушеніе въ іюнѣ 1914 года является однимъ изъ звеньевъ предшествующихъ покушенію событій, оно задумано и осуществлено боснійско-герцоговинской молодежью, разумѣется, безъ вѣдома оффиціальной Сербіи. Боснійско-герцоговинская молодежь этимъ покушеніемъ продолжала лишь дѣло своихъ славныхъ предковъ—борцовъ противъ турецкаго и австрійскаго ненавистнаго имъ владычества. Каждому должно быть извѣстно, что одна изъ боснійско-герцоговинскихъ революцій, въ концѣ концовъ, и явилась причиной русско-турецкой войны 1877—1878 г., окончившейся Берлинскимъ конгрессомъ, а іюньское покушеніе въ Сараевѣ 1914 г. послужило зредлогомъ для австрійскаго ультиматума Сербіи, изъ за котораго началась настоящая великая война.

Послѣ дипломатическихъ разоблаченій, сдѣланныхъ въ Италіи (Джіолитти) и въ Румыніи (Таке Іонеску), едва ли нужно доказывать, что причину настоящей великой войны вовсе незачѣмъ искать въ сараевскомъ покушеніи. Австро-Венгрія, какъ это у насъ, сказано, уже давно открыто готовилась къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Сербіи. Это видно было, между прочимъ, и изъ того, что она вполнѣ открыто перевозила большія количества военнаго матеріала, какъ снаряды разнаго типа, приборы для понтонныхъ мостовъ и т. п. на южную границу монархіи; она систематически начала отстранять всѣхъ сербовъ — поставщиковъ военныхъ припасовъ. Плакаты, которыми весною 1913 года, во время скутарійскаго кризиса, объявлялось военное положеніе въ Босніи и Герцоговинѣ, были напечатаны въ государственной типографіи въ Вѣнѣ и въ правительственной типографіи въ Сараевѣ еще въ 1912 г. во время аферы Прохаски.

Относительно сараевскаго покушенія теперь уже можно утвердительно сказать, что оно было лишь удобнымъ предлогомъ для выполненія того, что Австрія и Германія подготовили давно и тѣмъ охотнѣе приступили къ осуществленію своихъ плановъ, когда Сербія и Черногорія оказались утомленными войнами 1912 и 1913 г.г. и не могли думать о какихъ бы то ни было военныхъ дѣйствіяхъ. Военная партія въ Австро-

Венгріи беретъ верхъ и намѣчаетъ войну съ лозунгомъ истребленія сербовъ и крушенія надеждъ хорватовъ и словенцовъ о какой-то юго-славянской взаимности.

Судя по тому, что происходило на югѣ монархіи послѣ сараевскаго покушенія и происходитъ до нынѣшнихъ дней, о чемъ преимущественно мы и будемъ говорить въ настоящей книгѣ, можно придти къ заключенію, что планъ дѣйствій противъ сербовъ сводился къ слѣдующему:

1. Изолировать по возможности сербовъ, поднявъ противъ нихъ невѣжественную чернь другихъ исповѣданій.

2. Снова возобновить и организовать процессы о государственной измѣнѣ, помощью которыхъ предполагалось, подъ видомъ военныхъ соображеній уничтожить всѣ сербскія организаціи и искоренить всѣхъ дѣятелей сербскаго и юго-славянскаго національзма въ областяхъ австро-венгерской монархіи.

3. Все же остальное, что не будетъ уничтожено упомянутымъ путемъ, стереть съ лица земли простымъ и непосредственнымъ военнымъ терроромъ.

II.

Какъ создавалось настроеніе къ войнѣ.— Демонстраціи.

Къ осуществленію изложеннаго выше детально разработаннаго плана приступили на слѣдующій же день послѣ покушенія въ Сараевѣ.

Прежде всего власть въ слѣдующую ночь послѣ покушенія (между 15 и 16 іюня 1914 г.) организовала сараевскія демонстраціи. Потіорекъ, бывшій шефъ правительства, затѣмъ Аполлъ, командующій VII корпусомъ, и Фрингешъ, шефъ отдѣленія правительства въ Босніи, на одномъ изъ засѣданій у католическаго архіепископа Босніи Штадлера, рѣшили устроить упомянутую демонстрацію: собрали сараевскую чернь, состоявшую въ большинствѣ изъ цыганъ, полицейскихъ агентовъ и маленькихъ чиновниковъ,—и начались злодѣянія. Демонстранты разгромили три сербскія типографіи, громили и грабили сербскіе магазины, гостиницы, кофейни и частные дома. Чернь начала погромъ раннимъ утромъ 16 іюня, а власть едва успѣла къ вечеру вызвать войска для установленія якобы порядка. Между тѣмъ и тогда войска защищали только церкви и банки, а все остальное оставлено было на разграбленіе толпѣ, и ей не только не мѣшали въ этомъ, но солдаты привѣтствовали ее,

и ободряли, когда нѣкоторыя группы демонстрантовъ, идя по улицамъ, носили передъ собою портретъ Франца-Іосифа I.

Руководство и организація демонстрацій были сосредоточены въ рукахъ полиціи; такъ, напримѣръ, когда темная масса, состоявшая изъ подонковъ города, разорила типографскія машины и помѣщенія сербскихъ газетъ и журналовъ, полиція ничего лучшаго не нашла, какъ прогнать весь редакторскій и типографскій персоналъ изъ Сараева, начиная отъ главныхъ редакторовъ и кончая послѣднимъ наборщикомъ. Когда какой-то сербъ, купецъ, хотѣлъ защищать свой домъ отъ погромщиковъ съ револьверомъ въ рукахъ, полиція привлекла его къ суду „за нарушеніе порядка и общественной тишины“.

Позднѣе роль полиціи въ выступленіяхъ черни выяснилась еще болѣе. Демонстраціи, начатыя въ Сараевѣ, она распространила и по остальнымъ городамъ Босніи и Герцоговины, въ которыхъ православные сербы составляли меньшинство. Эти собранныя и организованныя наскоро толпы и явились началомъ той организаціи, которая впослѣдствіи вооружилась и назвалась „легионашка“ (легальная); подробнѣе объ этомъ мы скажемъ въ концѣ настоящей книги.

Полиція, послѣ организаціи этого противосербскаго движенія, не ограничилась только

Босніей и Герцоговиной, а кругъ своихъ дѣйствій распространила и внѣ границъ упомянутыхъ областей. Такъ, напримѣръ, въ столицѣ Австро-Венгріи, Вѣнѣ, были разузнаны сербскіе магазины и разгромлены, а ихъ владѣльцы не успѣвшіе заблаговременно скрыться, перебиты. Достаточно было кому нибудь указать иа идущаго по улицѣ и сказать, что это сербъ, чтобы цѣлыя группы бездѣльниковъ, припасенныхъ для этой цѣли, гнались за нимъ. Возбужденіе и подстрекательство достигли такой степени, что пострадали даже и нѣкоторые вѣнскіе добряки, прирожденные нѣмцы, которыхъ агенты почему то сочли за сербовъ.

Предметомъ самыхъ ярыхъ нападокъ демонстрантовъ было, конечно, Посольство королевства Сербіи въ Вѣнѣ. Около мѣсяца ежедневно передъ зданіемъ Посольства собиралась толпа бездѣльниковъ и черни, чтобы оскорблять и поносить Сербію и сербскій народъ, а полиція дѣлала видъ, что ей съ трудомъ удается защитить домъ, занявъ въ немъ всѣ лѣстницы.

Всѣмъ извѣстно, что между вѣнской печатью и полиціей существуетъ тѣсная связь. И во время упомянутыхъ погромовъ вѣнская печать служила непосредственнымъ орудіемъ полиціи, заведя на своихъ столбцахъ постоянную рубрику, въ которой общественное мнѣніе разжигалось и направлялось въ желательную полиціи

сторону—противъ сербовъ. Въ этихъ статьяхъ сознательно и открыто писали, будто сараевскіе сербы еще до покушенія на австрійскаго престолонаслѣдника знали не только, что оно случится, а прямо подготовили и организовали его; писали, что въ „Народѣ“,—органѣ сербской оппозиціи въ Сараевѣ,—наканунѣ покушенія была напечатана пророческая статья въ трехкрасочной рамкѣ изъ національныхъ сербскихъ цвѣтовъ. На самомъ же дѣлѣ не было ганичего подобнаго: приготовлялись номера газетъ для національнаго праздника св. Вита („Видов-дан“—15 іюня), какъ день памяти извѣстной битвы на Коссовомъ полѣ, и редакція „Народа“ приготовила было невинную статью, разрѣшенную уже сараевской цензурой, въ которой, само собою разумѣется, не было и не могло быть ни малѣйшаго намека на какое бы то ни было покушеніе. Но такъ какъ существовалъ лозунгъ: подготовить травлю противъ сербовъ, то въ Вѣнѣ не обращалось много вниманія на выборъ средствъ, тѣмъ болѣе, что никто и не подумаетъ искать подлинныхъ номеровъ сараевской газеты, чтобы провѣрить: вѣрно ли это ужасное обвиненіе, брошенное на весь сербскій народъ Босніи такой вліятельной и авторитетной газетой, какъ „Нов. Своб. Пресса“.

Полиція пошла еще дальше—она черезъ газеты увѣдомила вѣнскую толпу, какъ слѣдуетъ

ей отличать „въ своемъ справедливомъ гнѣвѣ“ сербовъ отъ другихъ „лойяльныхъ“ славянъ: этимъ послѣднимъ рекомендовалось носить какіе-то кокарды и значки,—такимъ путемъ она косвенно направляла толпу противъ первыхъ.

Въ какія формы выливались дѣянія этихъ отвратительныхъ, дѣйствующихъ по наущенію полиціи демонстрантовъ, рисуетъ самыми яркими красками оффиціальный протоколъ, составленный по желанію мостарскаго митрополита въ Герцоговинѣ о поруганіи и оскверненіи православной церкви въ городкѣ Любушкомъ. Этотъ случай съ христіанской церковью, въ провинціальномъ городкѣ Герцоговины въ мирное еще время, воплотилъ въ себѣ всѣ темныя стороны тѣхъ ужасныхъ поруганій и кощунствъ, совершенныхъ и совершаемыхъ во время настоящей войны во имя своей „культуры“ „просвѣщенными“ нѣмцами надъ церквами другихъ народовъ.

III.

Аресты.

Послѣ созданія, съ точки зрѣнія австрійской полиціи, такъ умѣло обработаннаго, благожелательнаго правительству, „общественнаго мнѣнія“, приступлено было, какъ къ чему то неминуемому, къ аресту „неблагонадежныхъ“ на

2*

югѣ Двуединой монархіи. Очевидно, это „изъятіе“ изъ обращенія руководящихъ элементовъ считалось самымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ всевозможныхъ общественныхъ движеній или возстаній, такъ какъ,—объ этомъ уже было говорено выше,—правительство уже давно усмотрѣло въ пробужденіи національнаго самосознанія юго-славянскихъ народностей серьезную опасность для своей монархіи.

Въ Босніи и Герцоговинѣ, послѣ сараевскаго покушенія и до мобилизаціи и объявленія войны Сербіи, полиція успѣла заарестовать, безъ всякой вины со стороны задержанныхъ, болѣе 5.000 сербовъ. Эти то 5.000 сербовъ и представляли тотъ среднiй слой дѣятелей національнаго возрожденія, который былъ широко распространенъ въ провинціи и котораго правительство боялось, предполагая, что онъ сумѣетъ подстрекнуть массы народа къ мятежу и организовать возстаніе.

Между тѣмъ, наиболѣе видные національные дѣятели, находящіеся въ моментъ начала этой полосы репрессій въ центрѣ страны, оставались еще на свободѣ, чувствуя, однако, надъ собой непосредственное наблюденіе полиціи; нѣсколько позже были и они арестованы, но тогда уже всѣ безъ исключенія. Этотъ неослабный надзоръ полиціи со времени сараевскаго покушенія чувствовался очень сильно и всѣ подпавшіе подъ

него были почти лишены свободы дѣйствій и передвиженія; многіе были арестованы на пути изъ Босніи за границу.

Участь сербовъ Босніи и Герцоговины, въ смыслѣ примѣняемыхъ къ нимъ репрессій, въ той же ужасающей степени раздѣлили сербы, хорваты и словенцы другихъ южно-славянскихъ областей государства, какъ Далмаціи, Истріи, Тріеста, Крайны, Хорватіи, Славоніи и Баната. Само собою разумѣется, мы не въ состояніи привести имена всѣхъ арестованныхъ, но по нѣкоторымъ приводимымъ нами ниже даннымъ читатель сможетъ представить себѣ болѣе или менѣе полную картину того, что происходило и происходитъ въ южныхъ областяхъ монархіи.

Въ Далмаціи были арестованы городскіе головы всѣхъ городовъ и почти всѣ народные депутаты. Въ одномъ только Марбургѣ, въ Штиріи, находится до 322 арестованныхъ далматинцевъ; въ Истріи арестовано столько католическихъ священниковъ (67), что за нихъ счелъ нужнымъ вступиться д-ръ Шуштерчичъ, извѣстный лидеръ словенской клерикальной партіи и императорскій намѣстникъ въ Крайнѣ; народныхъ депутатовъ арестовано тамъ 4. Въ Тріестѣ и въ Истріи было арестовано свыше 1.000 человѣкъ, изъ которыхъ около 700 выслано въ Любляну, столицу Крайны. Точно также было много арестовъ въ Горицѣ и въ

Градискѣ. Въ Марбургѣ, въ Штиріи, по свѣдѣніямъ извѣстнаго хорватскаго писателя, имя котораго по понятнымъ причинамъ не можетъ быть названо, было арестовано около 700 человѣкъ, уроженцевъ разныхъ городовъ и мѣстечекъ.

Раздѣляя арестованныхъ по профессіямъ, мы убѣждаемся, что большинство пострадавшихъ составляютъ православные священники. Изъ попавшаго въ наши руки приказа хорватско-словенскаго правительства мы убѣждаемся, что всѣ сербскіе приходы въ Срѣмѣ остались безъ священниковъ. Въ Босніи и Герцоговинѣ, кажется, тоже нѣтъ ни одного священника на свободѣ. Въ одной лишь сараевской епархіи повѣшено 67 православныхъ священниковъ, а во всей Босніи и Герцоговинѣ существуютъ лишь 4 епархіи.

Пріѣхавшіе изъ Сараева сообщили намъ, что тамъ, во время объявленія Австріей войны Сербіи можно было видѣть, какъ ежедневно откуда то изъ провинціи привозились по нѣскольку православныхъ священниковъ, закованныхъ въ кандалы, изъ которыхъ, какъ мы дальше увидимъ, многіе были впослѣдствіи повѣшены.

Арестованныхъ, по принятому порядку, не оставляютъ въ ихъ родномъ мѣстѣ, а переводятъ въ другое; большинство изъ нихъ обычно высылается даже въ другую провинцію, въ ка-

кой нибудь глухой, захолустный уголъ Австріи или Венгріи. Такъ, напримѣръ, арестованные въ Босніи и Герцоговинѣ въ большинствѣ размѣщены въ Арадѣ, въ Коморанѣ и въ Петроварадинѣ (Петервардейнѣ) въ Венгріи.

Содержаніе арестованныхъ въ тюрьмахъ самое ужасное; такъ, напримѣръ, по извѣстію, полученному нами непосредственно отъ одного изъ заключенныхъ въ Арадѣ, объ имени котораго умалчиваемъ, мы знаемъ, что въ зимнее время они сильно страдали отъ голода и холода, особенно же отъ сырости и грязи подваловъ, куда ихъ помѣстили. Въ итальянской печати были помѣщены извѣстія объ этихъ сырыхъ, тѣсныхъ и темныхъ помѣщеніяхъ, скорѣе походящихъ на скверный хлѣвъ, въ которые набивали до 30 человѣкъ и болѣе. Загнанные, какъ скотъ, истощенные, подъ постояннымъ градомъ обидъ и оскорбленій даже со стороны караульныхъ, которые ихъ называютъ не иначе, какъ „измѣнниками", они совершенно отрѣзаны отъ всего внѣшняго міра, даже отъ своихъ семей. Когда ихъ выпускаютъ изъ тюремныхъ помѣщеній на свѣжій воздухъ, что бываетъ разъ въ день въ теченіе одного часа, имъ запрещено подъ страхомъ смерти имѣть какое либо общеніе съ кѣмъ бы то ни было извнѣ.

По разсказамъ двухъ заключенныхъ, сумѣвшихъ вырваться изъ этихъ ужасныхъ тюремъ,

итальянская газета „Gazetta della Sera“ отъ 10 февраля пишетъ, что узники получаютъ въ день только ½ килограмма хлѣба, 100 граммъ супу и воды. Въ Люблянской тюрьмѣ какой то старикъ изъ Тріеста, захворавъ отъ сырости и холода острой формой бронхита, встрѣтилъ категорическій отказъ въ просьбѣ о молокѣ даже со стороны врача; конечно, онъ умеръ.

Всѣ эти арестованные, томящіеся столько мѣсяцевъ при такомъ безчеловѣчномъ режимѣ, напрасно ждутъ того дня, когда они предстанутъ передъ судомъ, чтобы по крайней мѣрѣ узнать, въ чемъ же собственно состоитъ ихъ вина. Тысячи арестованныхъ томятся и страдаютъ въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ и при царящемъ въ настоящее время террорѣ никто не отваживается хотя словомъ обмолвиться объ улучшеніи ихъ положенія. Одно время газеты коснулись этого вопроса (напримѣръ, загребская газета „Hrvatski Pokret“), но это былъ лишь намекъ, который скоро въ общемъ шумѣ и совсѣмъ заглохъ.

Говорятъ, въ родныхъ мѣстахъ оставлены только тѣ, за которыми считаются болѣе или менѣе серьезныя преступленія и именно къ этимъ узникамъ примѣняется жестокость болѣе утонченнаго типа.

Въ юго-славянскихъ странахъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, существуетъ дошедшее и до на-

шихъ дней преданіе, что проходящій долженъ бросить камень проклятія на то мѣсто, которое, какъ гласитъ легенда, скрываетъ могилу какого то проклятаго. Въ нынѣшнее время австрійская власть ввела у себя новый обычай— сначала въ Босніи—состоящій, въ томъ, что всѣ прохожіе плюютъ на „измѣнника“. Арестованныхъ, закованныхъ въ кандалы, тянутъ, иногда въ очень нелѣпой, нарочно для этого случая придуманной позѣ, по люднымъ улицамъ и всѣ встрѣчные на пути, если хотятъ проявить свою „благонадежность“, должны плевать имъ въ лицо. Въ теченіе цѣлыхъ пяти дней подрядъ такимъ образомъ водили по улицамъ Мостара (столица Герцоговины) одного мусульманскаго бея вмѣстѣ съ двумя видными сербами. Мы можемъ привести нѣсколько именъ почтенныхъ и уважаемыхъ лицъ, оскорбленныхъ такимъ же образомъ. Среди нихъ протоіерей города Добоя въ Босніи— одинъ изъ старѣйшихъ священниковъ, которымъ народъ гордится; Смайо Чемаловичъ, одинъ изъ видныхъ мусульманъ города Мостара; Крстенъ, бывшій городской голова города Шибеника въ Далмаціи и вмѣстѣ съ нимъ графъ Иво Войновичъ, выдающійся современный сербо-хорватскій литераторъ (послѣдніе являлись заложниками).

Все описанное мы передаемъ со словъ очевидцевъ. Интересующихся этими случаями можемъ отослать къ подробному описанію въ

итальянской газетѣ „Gazetta della Sera" (№ отъ 10 февраля текущаго года), гдѣ были помѣщены сообщенія лицъ, пережившихъ такія оскорбленія.

Цѣль созданія этихъ грубыхъ и звѣрскихъ сценъ вполнѣ ясна: съ одной стороны, надо было дать поводъ пришельцамъ и инородцамъ-колонистамъ лишній разъ выразить свою „патріотическую" ненависть къ доморощеннымъ „измѣнникамъ"; съ другой стороны, оскорбленіями, униженіями и небывалымъ терроромъ надо было запугать всѣ тѣ народныя массы, которыя еще могли надѣяться на свое освобожденіе. Чтобы сильнѣе подчеркнуть суровость предпринятыхъ мѣръ предъ окружающими на улицахъ, солдаты или городовые, сопровождавшіе несчастныхъ узниковъ, часто угрожали имъ повѣшеніемъ, хотя бы это впослѣдствіи и не приводилось въ исполненіе. Для усиленія впечатлѣнія въ нѣкоторыхъ открытыхъ мѣстахъ, на рынкахъ и площадяхъ, были воздвигнуты висѣлицы. Напримѣръ, въ одномъ Сараевѣ, столицѣ Босніи, висѣлицъ было построено нѣсколько.

Не менѣе постыдно поведеніе австрійскихъ военныхъ властей въ обращеніи съ сербскими плѣнными, которыхъ возили для „демонстраціи" по южнымъ славянскимъ землямъ. Состояніе плѣнныхъ послѣ перенесенныхъ оскорбленій и лишеній было самое жалкое, а это именно и нужно было, чтобы они своимъ истерзаннымъ и

униженнымъ видомъ дѣйствовали „отрезвляюще“ и разочаровали мѣстныхъ жителей, которые съ нетерпѣніемъ ждали побѣдъ сербскаго оружія. И все это сопровождалось розсказнями о какихъ то сказочныхъ побѣдахъ австрійской арміи въ Сербіи, объ окончательной гибели, какъ выражались, „варварскаго“ сербскаго племени.

Спѣшимъ добавить, опираясь на непосредственныя свѣдѣнія тамошней печати (напримѣръ, „Hrvatski Pokret“ № 212 и 270 прошл. года), что эти несчастные „плѣнные“ состояли въ большей части изъ безоружныхъ мирныхъ жителей: стариковъ, женщинъ и дѣтей, собранныхъ по разореннымъ мѣстамъ во время австрійскаго наступленія на Сербію.

Легко представить себѣ переживанія и самочувствіе этихъ закованныхъ въ рядъ въ кандалы несчастныхъ узниковъ-путешественниковъ. Кромѣ физическихъ страданій отъ невольнаго путешествія въ зимнюю стужу и по осенней грязи черезъ заброшенныя мѣста, они должны были еще своимъ жалкимъ видомъ убивать вѣру и надежду тѣхъ кровныхъ братьевъ своихъ, которые ждали, что сербіанцы своимъ приходомъ къ нимъ принесутъ имъ давно желанное освобожденіе.

IV.

Процессы по обвиненію въ государственной измѣнѣ.

Большинству арестованныхъ было предъявлено обвиненіе въ распространеніи „великосербской пропаганды“ или, говоря иначе, они подозрѣвались въ измѣнѣ и предательствѣ.

Судебные процессы по обвиненію въ государственной измѣнѣ съ давнихъ поръ стали въ Австро-Венгріи явленіемъ традиціоннымъ и всегда строились по одному шаблону. Къ ихъ созданію и организаціи прибѣгали тогда, когда пробужденному сознанію славянъ южныхъ областей государства нужно было противопоставить свою силу и даже тогда, когда требовалось „изъятіе“ и одиночнаго лица, ставшаго почему либо помѣхой австро-венгерской системѣ правленія. Въ Австро-Венгріи іезуиты, какъ извѣстно, издавна играютъ первенствующую роль и поэтому тамъ въ такомъ большомъ ходу и примѣненіи пріемы подозрѣнія и инквизиціи, и каждой болѣе или менѣе серьезной оппозиціи безъ особыхъ околичностей присваивается ярлыкъ „измѣннической“.

Чтобы раскрыть всю подоплеку созданія и проведенія судебныхъ процессовъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, организуемыхъ въ

южно-славянскихъ земляхъ австро-венгерской монархіи и показать существованіе въ этомъ дѣлѣ опредѣленной системы, намъ придется остановиться на разсмотрѣніи нѣсколькихъ особо характерныхъ процессовъ этого рода, по преимуществу съ массовымъ числомъ обвиняемыхъ.

Королевства Хорватія и Славонія, хотя и состояли въ уніи съ Венгріей, сохраняли все же, до вступленія на престолъ династіи Габсбурговъ, почти полную автономію. Они въ состояніи были сохранить эту автономію единственно благодаря своему сильному хорватскому дворянству. Габсбурги, чтобы сломить сопротивленіе хорватовъ, возбудили противъ нихъ дѣло о государственной измѣнѣ и двумъ самымъ главнымъ хорватскимъ дѣятелямъ — Зринскому и Франкопану — отрубили головы (въ 1671 г.). Кромѣ того, они почти въ центрѣ Хорватіи устроили, такъ сказать, новое государство—Военную Крайну (Военную Границу), организованную на военныхъ началахъ и зависящую исключительно отъ Вѣны. Въ эпоху же Наполеоновскихъ войнъ, когда національное сознаніе у хорватовъ, подъ вліяніемъ ихъ, получило свое выраженіе въ нарожденіи и широкомъ распространеніи такъ назыв. „иллирійской“, т. е. юго-славянской національной идеи, тогда представители Вѣны снова прибѣгли къ своей излюбленной системѣ, и въ началѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія создали

процессъ о государственной измѣнѣ, направленный противъ приверженцевъ иллиризма. Впослѣдствіи, когда въ Хорватіи снова почувствовалось вѣяніе идеи „юго-славянства“, когда народилась такъ называемая „народная партія“, во главѣ которой стояли хорватскій католическій архіепископъ Штросмайеръ и извѣстный ученый Ф. Рачкій, банъ Хорватіи Вакановичъ, какъ представитель вѣнскаго правительства, не будучи въ состояніи вести борьбу противъ нихъ иными средствами, опять извлекаетъ на свѣтъ Божій излюбленное Вѣной средство—судебное преслѣдованіе по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Сфабрикованы были даже документы, на основаніи которыхъ утверждалось, что хорватскіе „націоналисты“ имѣли какія то связи съ сербскимъ регентомъ въ Бѣлградѣ Іоанномъ Ристичемъ, и, разумѣется, именно на основаніи этихъ подложныхъ документовъ „націоналисты“ были признаны виновными въ государственной измѣнѣ. Подложность документовъ открылась впослѣдствіи (лицо, сфабриковавшее ихъ, открыто созналось въ этомъ въ печати).

Этотъ же способъ примѣнялся и для борьбы съ сербской національной дѣятельностью въ южной Венгріи. Лидеръ сербской національной партіи Свѣтозаръ Милетичъ тоже былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ (1876 г.), его судили и онъ, невинный, нѣсколько лѣтъ то-

мился въ тюрьмѣ. Позднѣе, когда національное сознаніе у славянъ окрѣпло, когда совмѣстная опасность сблизила сербовъ и хорватовъ въ Хорватіи и Славоніи, и когда они создали парламентскую „сербо-хорватскую коалицію", чтобы дружными силами вести борьбу противъ Вѣны и Будапешта, правительство, конечно, это дѣло сербо-хорватовъ объявило „велико-сербской пропагандой" и черезъ посредство бана Рауха возбудило судебное дѣло, обвинивъ 53 сербовъ изъ Хорватіи и Славоніи въ государственной измѣнѣ (1908 г.). Въ томъ же году вѣнскій историкъ Фридюнгъ, по приказу изъ высокихъ сферъ, съ уликами въ рукахъ, обвинилъ всю „сербо-хорватскую коалицію" въ государственной измѣнѣ. На судѣ, однако, выяснилось, что всѣ документы, которыми оперировалъ д-ръ Фридюнгъ, были фальсифицированы, точно такъ же, какъ и документы „Загребскаго процесса".

Изъ всего предыдущаго становится совершенно яснымъ, что процессы по обвиненію въ государственной измѣнѣ всегда примѣнялись, какъ средство противъ южно-славянскаго національзма.

Загребскій процессъ, какъ уже извѣстно, имѣлъ, кромѣ того, еще и ту цѣль, что австро-венгерское правительство, подготовляя аннексію Босніи и Герцоговины, надѣялось воспользоваться имъ, какъ средствомъ устранить и пре-

дупредить возможные внутренніе волненія и протесты. Въ настоящее время, когда правительство монархіи приняло окончательное рѣшеніе вполнѣ уничтожить всѣ отдѣльныя стремленія населяющихъ Австро-Венгрію южныхъ славянъ, оно, уничтожая сербовъ, какъ наиболѣе упорныхъ носителей юго-славянскихъ стремленій, снова выдвинуло на первый планъ вопросъ о государственной измѣнѣ. Оно разсматривало процессъ убійцъ австрійскаго престолонаслѣдника, какъ дѣло о государственной измѣнѣ, для того, чтобы имѣть предлогъ предать суду и обвинить, кромѣ непосредственныхъ виновниковъ (Гаврила Принципа съ его товарищами), еще и много другихъ, не имѣвшихъ никакого касательства къ дѣлу сараевскаго покушенія, но которыхъ, по замысламъ вѣнскаго и венгерскаго правительствъ, слѣдовало обвинить.

Мы уже выше говорили о томъ, какъ вслѣдъ за покушеніемъ въ Сараевѣ австрійская столичная печать бросила обвиненіе всѣмъ православнымъ сербамъ, населяющимъ Боснію и Герцоговину, въ томъ, что они еще до совершенія покушенія знали о немъ. Шефъ же боснійско-герцоговинскаго правительства, генералъ Потіорекъ, предъявилъ серьезное обвиненіе 18 самымъ выдающимся представителямъ православной и мусульманской религіи въ томъ, что единственно они виновны во всѣхъ происшедшихъ злодѣя-

ніяхъ. Это страшное обвиненіе, брошенное въ лицо самымъ виднымъ представителямъ народа, было въ началѣ августа прошлаго года напечатано во всѣхъ газетахъ монархіи. Судьи, разбиравшіе дѣло о покушеніи на престолонаслѣдника, были въ большомъ затрудненіи: при всемъ стараніи они никакъ не могли найти и слѣда уликъ для обвиненія въ чемъ либо 18 уважаемыхъ представителей народа. Имъ пришлось ограничиться въ своемъ приговорѣ лишь непосредственными виновниками. Между тѣмъ, еще во время разбирательства этого процесса въ полуоффиціальномъ сообщеніи было объявлено, что уже подготовляется другой, болѣе серьезный и въ большемъ масштабѣ процессъ, который будетъ разбираться вслѣдъ за первымъ [1]).

---

[1]) Объ этомъ пишетъ загребская газета «Hrvatski Pokret», № 299, 1914 г. въ статьѣ подъ заглавіемъ «Новый измѣннический процессъ».

«Изъ Сараева сообщаютъ, что до 180 воспитанниковъ средне-учебныхъ заведеній въ началѣ новаго (1914—1915) учебнаго года исключены изъ этихъ школъ. Большинство уволенныхъ учениковъ принадлежатъ къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ Сараева, и всѣ они подвергаются розыску по дѣлу убійцъ престолонаслѣдника. Многіе изъ нихъ, виновность которыхъ не могла быть установлена, отпущены на свободу, но съ условіемъ не покидать Сараева, такъ какъ они вызываются въ качествѣ свидѣтелей въ новомъ процессѣ о государственной измѣнѣ, въ которомъ будетъ гораздо больше обвиняемыхъ, чѣмъ въ первомъ. Директоръ торговой школы и большинство ея учителей, занимавшіеся «преступной» пропагандой, находятся уже подъ арестомъ. Мостарскій учитель Мартиновичъ былъ осужденъ судомъ за то, что онъ будто бы распространялъ ложныя свѣдѣнія.

Этотъ предполагаемый второй процессъ, повидимому, долженъ захватить въ сферу своего дѣйствія большинство изъ тѣхъ арестованныхъ, о которыхъ мы уже говорили. Что онъ не будетъ направленъ исключительно противъ сербовъ Босніи, видно хотя бы изъ того, что хорватскій народный депутатъ въ Будапештскомъ парламентѣ, Срдянъ (Сергій) Будисавлевичъ, уже преданъ суду, какъ государственный измѣнникъ, но можно, однако, предполагать, что главная тяжесть этого новаго процесса опять-таки ляжетъ на боснійско - герцоговинскихъ сербовъ и ихъ культурныя организаціи. Можно почти опредѣленно сказать, что главная цѣль этого новаго процесса и состоитъ именно *въ уничтоженіи всѣхъ сербскихъ организацій,* само собою разумѣется, вмѣстѣ со всѣми руководителями и участниками ихъ. Въ настоящее время на югѣ монархіи прекращена уже дѣятельность всѣхъ сербскихъ организацій, даже и религіозныхъ; нѣкоторыя просто разогнаны.

Особенно серьезныя обвиненія предъявляются гимнастическимъ и антиалкогольнымъ обществамъ, такъ назыв. „Соколамъ“ и „Побратимствамъ“. Эти общества, по роду своей дѣятель-

---

что, въ свою очередь, послужило поводомъ для городского головы города Мостара объявить извѣстное обращеніе на имя гражданъ. Указанный процессъ находится еще въ настоящее время въ стадіи производства дознанія».

ности и охватываемыхъ ими интересовъ, очень популярны среди широкихъ слоевъ народа, и вотъ, чуть ли не на этомъ основанiи, ихъ обвиняютъ въ существующей будто бы между ними связи съ армiей короля Петра. Кромѣ этого общаго подозрѣнiя не существовало никакихъ другихъ спецiальныхъ причинъ для разгона членовъ этихъ сокольскихъ обществъ и трезвыхъ братствъ.

Небезынтересно отмѣтить, какъ австрiйская полицiя старалась использовать всѣ средства, до мелкихъ придирокъ включительно, когда она вознамѣрилась упразднить и закрыть одно общество, обладающее довольно значительнымъ капиталомъ. Желая прекратить дѣятельность боснiйско-герцоговинскаго центральнаго культурнаго общества православныхъ сербовъ „Просвета" (Просвѣщенiе), полицiя потребовала отъ Совѣта общества исключить изъ состава служащихъ главное должностное лицо общества, Василя Грдича на томъ основанiи, что онъ будто бы занимается политикой. Управляющiй совѣтомъ общества былъ въ затрудненiи: какъ уволить совершенно невиннаго человѣка, къ тому же крайне полезнаго для общества. Но В. Грдичъ, убѣдившись, что тутъ дѣло идетъ о самомъ существованiи общества, самъ подалъ въ отставку. Полицiя, однако, этимъ не удовольствовалась, дѣятельность общества она все-таки прекратила

и все его имущество, оцѣниваемое въ сумму почти въ 3 милліона кронъ, конфисковала въ пользу казны. Точно такъ же поступила она и съ другимъ обществомъ „Српска добротворна задруга" (Сербское благотворительное общество), отобравъ весь его капиталъ, состоявшій изъ 100.000 кронъ, въ большей части являющійся подаркомъ школѣ англійской благотворительницы миссъ Ирби.

Мадьяры, въ общемъ, поступали у себя точно также, но какъ всегда, шли болѣе краткимъ и прямымъ путемъ: они просто конфисковали нѣкоторые благотворительные фонды въ пользу государственной кассы. О конфискаціи *фонда А. Карагеоргіевича* въ Венгріи, дававшемъ около 15.000 кронъ ежегоднаго дохода, въ свое время немало говорилось въ печати [1]). Когда была закрыта „Зора" (заря), старѣйшее общество студенческой молодежи въ Вѣнѣ, имущество общества, по его статутамъ, должно было перейти къ культурно-просвѣтительному обществу „Матица Сербска", но адвокатъ общества сообщилъ рѣшеніе суда: имущество этого общества не можетъ принадлежать ни одному сербскому обществу.

[1]) Основной капиталъ этого фонда завѣщанъ Александромъ Карагеоргіевичемъ, отцомъ короля Петра I, культурному и просвѣтительному обществу «Матица Сербска» въ Новомъ Садѣ, а доходы съ этого капитала распредѣляются на стипендіи студентамъ высшихъ учебныхъ заведеній (уроженцамъ Босніи, Герцоговины и Македоніи).

Кромѣ упомянутыхъ выше процессовъ, предстоитъ еще и третій, это *процессъ противъ югославянской студенческой молодежи.*

Южно-славянскій національзмъ существуетъ уже давно, но, какъ было сказано, въ разное время австрійскому правительству удавалось подавлять его проявленія. За послѣднее десятилѣтіе онъ получилъ распространеніе большее, чѣмъ когда либо, и нашелъ много прочныхъ приверженцевъ въ кругахъ студенческой молодежи. Поэтому-то третій процессъ будетъ направленъ именно противъ нихъ. Главнымъ виновникомъ въ этомъ процессѣ фигурируетъ „Друштво Југословенских академика" (Общество южно-славянскихъ студентовъ), которое въ большинствѣ состоитъ изъ словенцевъ. Еще 24-го ноября прошлаго года начатъ въ Люблянѣ процессъ противъ Юши Козака, студента философскаго факультета, какъ „главнаго виновника" и противъ его 31 товарищей, среди которыхъ большинство гимназистовъ. Обвинительный актъ характеризуетъ ихъ преступленіе, какъ „измѣну и заговоръ противъ государства" (см. „Hrvatski Pokret" № 303 прошл. года).

Въ связи съ арестомъ этихъ молодыхъ словенцевъ въ Люблянѣ находится и арестъ юриста Любы Миятовича въ Мостарѣ (въ Герцоговинѣ) и 180 учениковъ средне-учебныхъ заведеній [2]) въ

[2]) Какъ мы уже ранѣе говорили, нѣкоторые изъ приведеннаго

Сараевѣ, въ Босніи (см. „Hrv. Pokret“, № 304 и далматинскую газету „Prava Crvena Hrvatska“).

Изъ всего приведеннаго выше ясно, въ чемъ состоитъ планъ австро-венгерскаго правительства. Оно желаетъ радикальнаго уничтоженія сербскаго племени: сначала уничтожить или обезвредить выдающихся общественныхъ сербскихъ дѣятелей, затѣмъ разорить и уничтожить сербскія культурныя учрежденія и, наконецъ, подрастающую интеллигенцію [1]).

числа учениковъ освобождены отъ ареста, но съ условіемъ не покидать Сараева, такъ какъ они должны явиться свидѣтелями на предстоящемъ процессѣ.

[1]) Какъ разъ наканунѣ годовщины сараевскаго покушенія (14 іюня 1915) корреспондентъ Петроградскаго телегр. агентства сообщилъ изъ Стокгольма, какъ эпилогъ дѣла Гаврилы Принципа, слѣдующую вѣсть:

«Изъ Сараева сообщаютъ: военный судъ, въ видѣ эпилога къ процессу Принципа, окончилъ 13 іюня въ Травникѣ судебное разбирательство по дѣлу 39 учениковъ средней школы, обвинявшихся въ ученической организаціи для пропаганды сербской идеи. 31 ученикъ приговоренъ къ тюремному заключенію на сроки отъ 1 мѣсяца до 3 лѣтъ» («Бирж. Вѣдомости», № 14906, 15 іюня 1915 г.).

Это только одна группа изъ тѣхъ арестованныхъ учениковъ средней школы, которая приведена на судъ, остальные ждутъ своей очереди.

М. М. В.

V.

Преслѣдованія и конфискація имуществъ сербовъ.

Кромѣ уже приведенныхъ выше мѣръ, предпринятыхъ исключительно противъ сербовъ, практикуются еще и другія, нисколько не уступающія въ грубости и безцеремонности первымъ. Такъ, напримѣръ, *сербовъ-чиновниковъ* массами вычеркиваютъ изъ списковъ служащихъ безъ всякой съ ихъ стороны вины или проступка. Ежедневно оффиціозъ печатаетъ имена увольняемыхъ, не приводя никакихъ мотивовъ въ объясненіе этого массоваго увольненія. Въ Босніи и Герцоговинѣ до настоящаго времени уже исключены изъ службы почти всѣ сербы-учителя средне-учебныхъ заведеній; между ними есть и три директора средне-учебныхъ заведеній (гг. Крсмановичъ, Чуковичъ и Жакула). Директоръ Жакула арестованъ и въ данное время ведется дознаніе по обвиненію его въ измѣнѣ, единственнымъ поводомъ къ которому послужило его руководство сокольскимъ обществомъ. Изъ гимназическихъ учителей уволены и арестованы: І. Васичъ, Б. Зечевичъ, Маринковичъ, Ст. Миладиновичъ и Савва Миладиновичъ.

Въ Хорватіи и Далмаціи *кириллица,* азбука православныхъ сербовъ, запрещена уже давно.

Намъ пришлось видѣть приказъ правительства, въ силу котораго даже оффиціальныя записи сербскихъ приходскихъ священниковъ (записи крещеныхъ, браковъ и т. п.) должны вестись литерами латинской азбуки, точно такъ же, на основаніи упомянутаго приказа, должны быть заведены новые церковные штемпеля съ латинской надписью. (См. „Hrvatski Pokret“ № 246 1914 г.). Этотъ приказъ не былъ еще опубликованъ въ Босніи, но судя по одной замѣткѣ, напечатанной въ сараевской газетѣ, опубликованіе его состоится въ скоромъ времени.

Запретительныя мѣры, направленныя противъ сербовъ, слѣдовали одна за другой. 7-го октября 1914 года Боснійское правительство опубликовало приказъ [1]), получившій, благодаря своей исключительной суровости, печальную извѣстность, въ силу котораго изъ подданства съ конфискаціей имуществъ исключаются всѣ находящіеся безъ разрѣшенія боснійскаго правительства за границей, особенно, если у правительства существовало подозрѣніе, что они дѣйствуютъ противъ монархіи; семьи же этихъ заподозрѣнныхъ и исключенныхъ изъ подданства

---

[1]) Этотъ приказъ отъ 7 октября 1914 года упоминается въ оффиціальномъ сообщеніи какъ законъ (созданный и опубликованный безъ вотированія сейма), какъ дополненіе къ приказу правительства отъ 13 октября 1914 г. за № 13241. Мы здѣсь говоримъ только о приказѣ 7 октября 1914 г.

выселяются за границу, разумѣется, безъ всякихъ средствъ.

Этому ужасному наказанію подверглись всѣ тѣ уроженцы восточной Босніи, которые съ отступленіемъ сербской арміи, перешли границы Сербіи или Черногоріи. Правительство вслѣдъ за ихъ переходомъ конфисковало все ихъ имущество, а семьи ихъ въ числѣ 120 изгнало, въ сопровожденіи военнаго конвоя, за границу.

Основательность боязни мести со стороны правительства у всѣхъ этихъ бѣженцевъ, рѣшившихся бросить насиженныя мѣста и уйти въ Сербію и Черногорію и семьи которыхъ подверглись такому суровому наказанію, подтверждается участью всѣхъ оставшихся на мѣстѣ послѣ отступленія сербовъ: они были перебиты, какъ шпіоны и измѣнники, восторженно принимавшіе сербскую армію.

Съ того времени конфискація имуществъ и изгнаніе семей продолжаются въ довольно широкихъ размѣрахъ.

Чтобъ имѣть возможность болѣе подробно прослѣдить дѣятельность боснійскаго правительства въ этомъ направленіи, мы предприняли нѣкоторые шаги съ цѣлью регулярнаго полученія всѣхъ боснійскихъ газетъ; къ сожалѣнію, намъ это не удалось и мы получали эти газеты лишь урывками. Однако, и этотъ ограниченный матеріалъ даетъ, въ общемъ, довольно солидныя данныя.

Беремъ свѣдѣнія изъ нѣсколькихъ номеровъ „Bosnische Post“, которая въ своихъ спискахъ приводитъ иногда число выселенныхъ семей, а иногда лишь отцовъ семействъ; въ большинствѣ случаевъ данныя относятся къ цѣлымъ семьямъ.

	Число семей лицъ, исключенныхъ изъ подданства.	Изъ какого уѣзда выселены.
№ отъ 20 февраля 1915 г. . .	920	Рогатица, Кладань и Требине.
№ » 21 » . .	400	Сараевскій у.
№ » 24 » . .	300	» »
№ » 25 » . .	200	» »
№ » 27 » . .	150	» »
№ » 28 » . .	250	» »
№ » 2 марта 1915 г. . .	150	» »
№ » 3 » . .	150	» »
№ » 4 » . .	200	» »
№ » 6 » .	450	» »
№ » 7 » . .	400	» »
№ » 9 » . .	400	» »
№ » 10 » . .	200	» »
№ » 12 » . .	300	» »
№ » 13 » . .	150	» »
№ » 14 » . .	180	Фочанскій »
№ » 17 » . .	350	» »
№ » 18 » . .	30	Билечскій »
№ » 23 » . .	80	Требинскій »

Слѣдовательно, *въ теченіе около мѣсяца* (31 день, принимая протяженіе времени отъ выхода перваго приведеннаго номера газеты до послѣдняго;

хотя видно изъ перечня номеровъ, въ нашемъ распоряженіи были не всѣ вышедшіе за этотъ промежутокъ времени) *боснійско - герцоговинское правительство исключило изъ подданства 5.260 сербскихъ семей своихъ подданныхъ и лишило ихъ имущества.*

Когда мы получили въ февралѣ текущаго года извѣстіе изъ Цетинье отъ нашего друга, что въ Черногоріи находится до 50.000 душъ бѣженцевъ и изгнанниковъ изъ Босніи и Герцоговины, намъ это извѣстіе показалось просто неправдоподобнымъ, но когда черезъ мѣсяцъ мы отъ другого лица получили новое извѣстіе, что бѣженцевъ тамъ уже 70.000, у насъ никакихъ сомнѣній не возникало; теперь это подтверждается и оффиціальными данными боснійскаго правительства. Итакъ, подданные Босніи и Герцоговины, состоящіе въ настоящій моментъ почти сплошь изъ стариковъ, женщинъ и дѣтей, и отдавшіе всѣхъ, способныхъ носить оружіе, въ австрійскую армію, находятся теперь, нищіе и бездомные, въ Сербіи и Черногоріи. Своими дѣйствіями противъ этихъ несчастныхъ Австро-Венгрія дала достаточно краснорѣчивыя доказательства своего пониманія справедливости и культуры и пріемовъ государственной мудрости.

Кромѣ уже упомянутаго нами раньше списка, опубликованнаго 8 октября 1914 г., насчиты-

вающаго 120 семей уѣздовъ Рогатицы, Кладня и Брчкаго, мы получили еще нѣкоторыя данныя о массовомъ изгнаніи, и, что особенно характерно, изъ уѣздовъ, удаленныхъ отъ границъ Сербіи и Черногоріи. „Bosnische Post“ (въ № отъ 14 января 1915 г.) сообщаетъ, что „оффиціальная газета снова опубликовала большой списокъ лицъ и семей, выселенныхъ изъ уѣздовъ: Санкскій мостъ, Лиевно, Банялука, Кладань и Власеница. Въ чемъ заключалась вина выселенныхъ изъ первыхъ трехъ перечисленныхъ уѣздовъ, находящихся на юго-западѣ Босніи (въ такъ назыв. Боснійской Крайнѣ), намъ выяснить такъ и не удалось“.

Наказанію въ видѣ конфискаціи имущества, изгнанія, согласно оффиціознымъ комментаріямъ извѣстнаго уже приказа въ „Bosnische Post“ отъ 7 октября 1914 г., подвергаются не только находящіеся на территоріи враговъ монархіи, но и проживающіе въ нейтральныхъ странахъ, если правительство заподозритъ ихъ въ какихъ либо дѣяніяхъ, противныхъ монархіи. Такимъ путемъ отнято право адвокатской практики у народныхъ депутатовъ боснійскаго сейма гг. д-ра Ник. Стояновича и д-ра Душана Василевича. Они были подвергнуты наказанію единственно за то, что въ моментъ объявленія войны находились внѣ Босніи и Герцоговины, благодаря чему боснійскія власти не могли ихъ арестовать, какъ

арестовали ихъ товарищей. Не имѣя возможности арестовать ихъ лично, боснійскія власти обратили свою мѣру на ихъ ближайшихъ родственниковъ.

Приказъ отъ 7 октября 1914 г., кромѣ непосредственнаго изгнанія сербскихъ элементовъ съ насиженныхъ земель, имѣетъ еще и другую цѣль. Въ этомъ приказѣ находится между прочимъ и параграфъ, въ силу котораго часть движимаго или недвижимаго имущества, отобраннаго у нелояльныхъ подданныхъ въ пользу государственной казны, можетъ быть отдана въ собственность ихъ лояльнымъ сосѣдямъ. Другими словами, этимъ приказомъ дается невѣжественнымъ общественнымъ подонкамъ, доносчикамъ и шпіонамъ, возможность получить часть имущества тѣхъ лицъ, противъ которыхъ будутъ доносить начальству. Можно представить себѣ, къ чему поведетъ такое нелѣпое возбужденіе низкихъ и, въ большинствѣ случаевъ, опасныхъ желаній у простыхъ темныхъ людей. Этимъ темнымъ людямъ, кромѣ того, дается въ руки оружіе, они состоятъ на службѣ въ полицейской охранѣ и, конечно, для нихъ не составляетъ большого труда принудить къ бѣгству тѣхъ лицъ, имущество которыхъ имъ понравится.

Изъ приведеннаго способа дѣйствія боснійскаго правительства все таки видно, что своими мѣрами оно не столько добивается именно на-

казанія, какъ такового, но цѣли его идутъ дальше: оно, подъ шумокъ, стремится къ своей давнишней мечтѣ,—къ уничтоженію сербскаго племени. Въ этомъ нашемъ убѣжденіи насъ еще больше укрѣпляютъ слѣдующія данныя.

Боснійско-герцоговинскому правительству по разнымъ соображеніямъ было невыгодно, чтобы сербскіе элементы оставались въ пограничныхъ съ Сербіей и Черногоріей уѣздахъ. Поэтому оно, вслѣдъ за объявленіемъ войны, начало выселять всѣхъ сербскихъ обывателей изъ этихъ пограничныхъ уѣздовъ, сначала изъ восточной Босніи, Герцоговины и южной Далмаціи, а потомъ и изъ Срѣма,—вглубь страны.

Намъ передавали нѣкоторые жители Гацка (уѣздъ восточной Герцоговины), которыхъ, кстати сказать, потомъ мобилизовали, какъ происходило въ ихъ краѣ это переселеніе. Австрійское войско прогнало всѣхъ сербскихъ обывателей и ихъ скотъ, дома же ихъ всѣ сожгло, а болѣе крупныя зданія и церкви взрывало динамитомъ. Говорятъ, что такимъ образомъ опустошена вся пограничная полоса въ 10 километровъ ширины.

Въ южной Далмаціи, гдѣ большую часть жителей составляютъ католики, эвакуаціи приданъ былъ другой характеръ; тамъ хотѣли показать, что жители бѣгутъ по своему почину, а не по принужденію властей и покидаютъ свои

жилища изъ боязни передъ черногорцами. Ихъ поэтому не выгоняли открыто силою, а власти лишь пригрозили имъ, что если они тотчасъ же не покинутъ своихъ домовъ, то они будутъ бомбардированы флотомъ. Когда вслѣдъ за этой угрозой въ морѣ показались суда, испуганные жители въ паникѣ бросились къ сѣверу, переходя изъ одного мѣста въ другое.

Переселеніе сербовъ изъ Срѣма производилось на основаніи оффиціальнаго приказа, согласно которому изъ пограничныхъ областей переброшено внутрь страны болѣе 20.000 сербскихъ жителей („Hrvatski Pokret“ № 295) [1].

---

[1]) Приводимъ этотъ документъ въ выдержкахъ:

«Въ виду дѣйствій арміи сочтено нужнымъ выселить всѣхъ сербовъ (изъ Срѣма) и поселить ихъ въ Славонію, соблюдая при этомъ слѣдующія правила:

1. Жители предупреждаются о выселеніи за 12 час.

2. Поселеніе выселенныхъ жителей будетъ производиться по деревнямъ Вуковарскаго округа, какъ то: въ Боботѣ, Боровѣ, Брчадинѣ, Габошѣ, Маркушицѣ, Негославцахъ, Пачетинѣ и Трпинѣ. Каждая деревня принимаетъ къ себѣ опредѣленное число душъ, приблизительно половину своего наличнаго состава православныхъ обитателей.

3. Поселеніе дальше Вуковара должно производиться въ уѣздахъ: Вировитица и Пожега.

4. Заселяются мѣста: Даль, Биело Брдо, Чепинъ и Тене.

5. Кромѣ того: Брачевцы, Велико Набрье, Газие и Булимцы.

6. Дальше: Горни Михоляцъ, Нова Буковица и Кучанцы.

Во всѣхъ упомянутыхъ селахъ и деревняхъ уѣзда Вировитица не разрѣшается поселить болѣе 9.000 жит.

7. Дальше за Вировитицей слѣдуетъ заселить въ Новой Градишкѣ села: Мажичъ, Окучани и Раичъ.

Всего должно быть переселено 20.000 жителей».

Когда предпринятая эвакуація Срѣма была закончена, правительство командировало высшаго чиновника для оффиціальной описи всего недвижимаго имущества, принадлежавшаго ранѣе сербамъ и за ихъ выселеніемъ перешедшаго въ казну. Другими словами, правительство уже смотритъ на всю земельную собственность не какъ на временно эвакуированную, но какъ на конфискованную на вѣчныя времена въ пользу правительственной казны [1]). Это присвоеніе себѣ земель подтверждается еще и тѣмъ, что правительство начало сдавать упомянутыя земли венграмъ, пожелавшимъ тамъ поселиться.

Какія уродливыя формы принимаетъ вообще положеніе славянъ въ Австро-Венгріи, показываетъ намъ слѣдующій случай съ однимъ сербомъ изъ Срѣма—австрійскимъ солдатомъ. Будучи раненъ на войнѣ, онъ получилъ отпускъ и пріѣхалъ домой. Въ своемъ домѣ онъ засталъ мадьяра. Спрашивая въ деревнѣ про судьбу своей семьи, онъ узналъ, что отца его австровенгры повѣсили, какъ измѣнника, мать выгнали изъ дома и деревни, два его родныхъ брата

---

[1]) Пользуясь военнымъ терроромъ, венгерское правительство предприняло серьезныя мѣры съ цѣлью мадьяризировать Хорватію и Славонію, для чего она открыла въ хорватскомъ Загребѣ мадьярскія школы, воспретивъ, однако, печати оглашеніе и обсужденіе этого шага. Такимъ образомъ создаются теперь политическіе успѣхи, достиженіе которыхъ легальнымъ путемъ раньше представлялось невозможнымъ.

убиты на передовыхъ позиціяхъ, а два другихъ еще сражаются на полѣ брани за своего „милостиваго“ царя-государя.

Судя только по этой, случайно къ намъ проникшей цифрѣ—20.000 высланныхъ изъ Срѣма—можно безъ преувеличенія сказать, что число выселенныхъ изъ восточной Босніи, Герцоговины и Далмаціи превышаетъ 120.000 душъ [1]).

Положеніе несчастныхъ семей, потерявшихъ свои родные очаги и имущество, поистинѣ ужасно и безвыходно. Въ приведенномъ приказѣ о выселеніи жителей Срѣма сказано, что они будутъ помѣщены внутри страны по домамъ другихъ крестьянъ,—значитъ, поселеніе ихъ тамъ будетъ временнымъ, и ужъ, конечно, ничѣмъ необезпеченнымъ. Далматинская газета („Prava Crv. Hrvatska“) описываетъ, въ какомъ положеніи находятся невольные переселенцы изъ Боки Которской (область Бокка-ди-Каттаро): безъ всякихъ средствъ бродятъ они по всей

---

1) Для характеристики отношенія австрійскихъ властей къ опустошеннымъ ею краямъ приведемъ выдержку изъ часто нами цитируемой полуоффиціозной газеты «Bosnische Post». Такъ, въ № 54 отъ 1915 года въ передовой статьѣ, озаглавленной «Frühlingsgedanken» (весеннія мысли) мы читаемъ: «На сербской границѣ цѣлые уѣзды, покинутые своими—большею частью сербскими жителями, соединившимися съ врагами монархіи, стоятъ пустые. Колонизація этихъ уѣздовъ легко могла бы залѣчить тѣ раны, которыя нанесла сербская инвазія землелѣлію. Слѣдовало бы заселить крестьянами изъ монархіи (конечно, не сербскаго происхожденія) не только эти разоренные края, но и всѣ остальныя части Босніи и Герцоговины».

округѣ отъ Дубровника (Рагузы) до Тріеста, чтобы хоть чѣмъ нибудь прокормить себя. Очевидно, тамъ они могутъ болѣе свободно передвигаться съ одного мѣста на другое и не подвергаются полицейскому надзору, какъ въ Герцоговинѣ, гдѣ кромѣ того волостные старшины мѣстъ, гдѣ водворены выселенцы, отвѣтственны за каждаго удалившагося безъ разрѣшенія власти. Жители, выселенные изъ Гацкаго уѣзда въ восточной Герцоговинѣ, были сначала водворены въ Невесиньскій уѣздъ, затѣмъ въ Столачскій, а потомъ въ Конички (Герцоговина).

Такимъ образомъ цѣлыя вереницы этихъ несчастныхъ семействъ, едва прикрытыя лохмотьями, голодныя и изнуренныя, прогоняются или сами бродяжничаютъ отъ одного мѣста къ другому. Отъ всего своего былого имущества нѣкоторые сохранили еще жалкіе остатки скота, который они гонятъ передъ собою, пока австрійскіе солдаты не успѣли еще отнять его у нихъ. Какъ могутъ питаться эти несчастные крестьяне можно судить хотя бы по неимовѣрно поднявшимся цѣнамъ на самые необходимые жизненные продукты. Напримѣръ, килограммъ муки (2.44 фунта) стоитъ 1.60 кронъ (63 к.), килограммъ мяса 5.40 кронъ (2 р. 10 к.). При такой дороговизнѣ—откуда этимъ несчастнымъ бездомникамъ достать денегъ. Зимой эти несчастные, разсѣянные по многимъ путямъ, пред-

ставляли изъ себя настоящія полчища нищихъ, христарадничающихъ ради куска хлѣба.

Такое порабощеніе цѣлаго племени, сплошное разореніе цѣлыхъ областей и сожженіе мѣстъ и селъ—напоминаетъ былыя войны дикихъ и варварскихъ народовъ въ далекомъ и темномъ прошломъ средневѣковья.

Въ этомъ безчеловѣчномъ отношеніи правительства къ народу объективнаго наблюдателя оскорбляетъ не столько строгость примѣненія этихъ мѣръ, сколько ихъ безнравственность. У этого въ конецъ разореннаго и замученнаго народа правительство не стыдится брать, чуть ли не силой, пожертвованія на разные военные фонды, военные займы,—да еще въ какихъ чудовищныхъ размѣрахъ. Разныя газеты, особенно боснійскій оффиціозъ „Bosn. Post" печатаетъ списки этихъ пожертвованій и по его даннымъ только въ двухъ пограничныхъ городкахъ, Билекъ и Требине, еще до эвакуаціи собрано было 604.000 кронъ (въ первомъ 244.000, во второмъ 360.000 кронъ). Намъ представляется совершенно непонятнымъ, какимъ путемъ удалось собрать такія колоссальныя для этихъ мѣстъ суммы. Весь городокъ Билекъ еле насчитываетъ 1.500 жителей, а весь уѣздъ вмѣстѣ съ городкомъ—едва 19.000; Требине насчитываетъ едва 8.000 жителей, а весь уѣздъ вмѣстѣ съ городкомъ—22.000 жителей. Оба уѣзда, что

очень важно, крайне гористы, неплодородны, заселены крестьянами, только въ городкахъ Билекъ и Требине живутъ мелкіе торговцы и лавочники. Ясно, что тамъ просто отобрали всю наличность у всѣхъ банковъ, фондовъ и другихъ подобныхъ учрежденій. А если прибавить къ этому, что въ одномъ городѣ Требине было повѣшено болѣе 78 сербовъ, тогда легко будетъ понять тотъ „восторгъ", съ какимъ народъ давалъ свои „*добровольныя*" пожертвованія.

Что Австро-Венгрія дѣйствуетъ такими же пріемами и въ другихъ областяхъ доказываетъ намъ то, что до 15 марта 1915 года она уже истратила на войну $9^1/_2$ милліардовъ кронъ. Эти деньги она забрала изъ разныхъ банковъ, заставивъ каждый банкъ уплатить сумму, превышающую втрое его запасной фондъ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ политической пропастью въ Австріи подготовляется для ея подданныхъ и пропасть экономическая.

VI.

Приговоры и разстрѣлы.

Массы арестованныхъ до войны и съ началомъ ея не могутъ дождаться дня, когда они, наконецъ, предстанутъ передъ судомъ,—и это въ то время, когда почти ежедневно славяне, находя-

щіеся еще на свободѣ, предаются суду и приговариваются къ наказанію. Австрійскія газеты, а по временамъ и нѣкоторыя итальянскія, по мѣрѣ полученія свѣдѣній изъ за границы, приводятъ много примѣровъ необычайно суровыхъ приговоровъ по самымъ ничтожнымъ поводамъ.

Приведемъ нѣсколько подобныхъ случаевъ, о которыхъ мы узнали изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ.

Какая-то старуха въ Загребѣ, услышавъ о „великой австрійской побѣдѣ въ Сербіи", какъ-то сказала: „Несчастные сербы, опять побѣждены",—и за это была приговорена къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы.

Одинъ лѣсничій изъ Модочези (недалеко отъ города Огулина), старикъ лѣтъ семидесяти, имѣющій за плечами тридцатилѣтнюю службу, отецъ многихъ дѣтей, сказалъ какъ-то своему молодому пріятелю, тоже лѣсничему, призванному въ армію: „пойди, пойди и ты, сынъ, обагрись и ты кровью". По доносу какого-то шестнадцатилѣтняго мальчишки-хулигана, единственнаго свидѣтеля, старикъ былъ приговоренъ къ году тюрьмы.

Въ Шибеникѣ (городъ Далмаціи) нѣкій Зафрановичъ, нынѣ солдатъ, за то, что не снялъ шапки во время исполненія австрійскаго гимна, былъ арестованъ и пробылъ въ тюрьмѣ больше двухъ мѣсяцевъ; освободился изъ тюрьмы бла-

годаря лишь хлопотамъ своего пріятеля-офицера. Другой, привлекавшійся по такому же дѣлу, приговоренъ въ Тріестѣ къ 8 мѣсяцамъ тюрьмы.

Молодой врачъ, докторъ медицины Юрій Орличъ былъ арестованъ и по сіе время содержится въ тюрьмѣ единственно за то, что имѣлъ несчастье получить простую и невинную открытку огъ какого-то сербскаго офицера, съ которымъ познакомился въ курортѣ Абацiя. Судья, сообщая ему приговоръ, сказалъ, что вина его, обвиняемаго, состоитъ въ томъ, что онъ говоритъ „по кириллски". Трудно понять, что хотѣлъ сказать судья этими словами,—была ли это иронія или простое незнаніе. Вѣдь каждому школьнику извѣстно, что кириллица является азбукой православныхъ славянъ.

Старуха-крестьянка изъ окрестностей Требине, въ Герцоговинѣ, расплачиваясь за покупки, дала лавочнику между прочими и нѣсколько черногорскихъ монетъ, которыя до войны были въ ходу въ пограничныхъ съ Черногоріей областяхъ. Бѣдная, простая и неграмотная женщина сдѣлала это, совершенно не разбираясь въ австрійскихъ или черногорскихъ монетахъ. Лавочникъ не захотѣлъ принять этихъ монетъ и возвратилъ ихъ старухѣ, сказавъ, что „черногорскія монеты теперь не принимаются". Старуха, разсерженная и не имѣя другихъ денегъ, отвѣтила: „Что ты? Развѣ всѣ они черногорскія".—„Да",—отвѣтилъ

лавочникъ. — „Далъ бы Богъ, — сказала женщина,—чтобы всѣ монеты были черногорскими“. Несчастная старуха произнесла эти слова до полудня, а послѣ полудня она уже была повѣшена, какъ государственная измѣнница.

Эти ужасныя наказанія примѣняются и въ нынѣшніе дни и не только въ Босніи, Герцоговинѣ и Далмаціи, но и по всей монархіи. Намъ вспоминается нѣсколько характерныхъ случаевъ, опубликованныхъ въ вѣнской хроникѣ. Напримѣръ, какой-то вѣнецъ, природный нѣмецъ, выпивъ, по обычаю, лишній бокалъ пива и желая сказать „острое словцо“, крикнулъ: „Ура, Сербія“; онъ былъ приговоренъ къ году тюрьмы.

Въ Хорватіи достаточно было анонимнаго письма, достаточно было кому нибудь донести на личнаго врага, что онъ приверженецъ сербовъ, и тотъ бывалъ немедленно, безъ всякихъ розысковъ арестованъ. Само собою разумѣется, были случаи, когда судъ, не находя преступленія, освобождалъ арестованнаго, но если онъ казался полиціи чѣмъ либо подозрительнымъ, его снова препровождали въ тюрьму или же въ крайнемъ случаѣ высылали въ какое либо отдаленное мѣсто Австріи или Венгріи. Подобный случай имѣлъ мѣсто съ г. Чингріомъ, городскимъ головой города Дубровника, котораго судъ освободилъ, а полиція все же водворила его въ Гринау (Grünau, городокъ въ верхней Австріи),

или, напримѣръ, судъ освободилъ нѣкоторыхъ арестованныхъ и привлеченныхъ къ отвѣтственности только за то, что они читали итальянскія газеты; полиція же послѣ этого продержала ихъ въ тюрьмѣ, на своей отвѣтственности, еще 14 дней.

На этой почвѣ происходили даже конфликты между полиціей и судьями. Мы знаемъ, напр., о подобномъ случаѣ въ Истріи. Судья, освободившій двухъ привлеченныхъ къ отвѣтственности дѣвушекъ, былъ самъ обвиненъ и брошенъ въ тюрьму, гдѣ находится и до настоящаго времени.

Приговоровъ къ смертной казни было вынесено въ монархіи безчисленное множество, особенно въ Босніи и Герцоговинѣ. Насколько намъ извѣстно, приговорено и убито особенно много православныхъ священниковъ.

Два капитана-моряка были обвинены въ томъ, что они будто-бы открыли французамъ расположеніе минныхъ загражденій въ Которскомъ заливѣ, они были преданы военно-полевому суду и въ теченіе получаса приговорены къ смерти и вслѣдъ затѣмъ разстрѣляны. Виднаго серба Поповича, городского голову города Книна въ Далмаціи, приговореннаго къ смерти полевымъ судомъ, должны были разстрѣлять солдаты-сербы подъ командой серба-же кадета. За спинами сербскихъ солдатъ находился другой отрядъ, кото-

рому приказано было стрѣлять въ сербовъ, если они воспротивятся исполненію смертнаго приговора.

Какъ ведется предварительное судебное слѣдствіе въ дѣлахъ, кончающихся смертнымъ приговоромъ, можетъ показать слѣдующій случай, происшедшій въ городѣ Синѣ, въ Далмаціи. Какъ-то уже послѣ объявленія войны два рыбака ловили рыбу взрывчатыми шариками, спеціально для этой цѣли приготовленными; кто то замѣтилъ ихъ и не замедлилъ донести кому слѣдуетъ, что рыбаки будто-бы намѣревались взорвать мостъ. Военно-полевой судъ не долго думая приговорилъ ихъ къ смертной казни, и мѣстный главнокомандующій во время общаго обѣда разсказалъ своимъ товарищамъ, что приговоръ долженъ быть приведенъ въ исполненіе въ извѣстномъ мѣстѣ черезъ два часа. Военный аудиторъ, защитникъ обвиняемыхъ, рѣшился тутъ же во время обѣда въ разговорѣ возразить, какъ онъ уже это дѣлалъ и во время разбирательства на судѣ, что слѣдовало бы по крайней мѣрѣ изслѣдовать взрывчатые шарики и узнать, можно ли еще ими разрушить мостъ. Командующій, въ концѣ концовъ, согласился и послѣ поверхностнаго осмотра шариковъ убѣдились, что ими не только мостъ, а вообще ничего не возможно разрушить. Приговоренные къ смерти рыбаки были освобождены; не будь этого

разговора за обѣдомъ, несчастные были бы, конечно, казнены.

Смертные приговоры, какъ это уже упомянуто, очень часто примѣнялись въ Босніи и Герцоговинѣ, особенно среди простыхъ народныхъ слоевъ. Число смертныхъ приговоровъ, вынесенныхъ тамъ, невозможно даже опредѣлить приблизительно. Извѣстія, доходящія до насъ, отличаются большой разнорѣчивостью. Мы будемъ поэтому пользоваться только тѣми цифрами, которыя отличаются несомнѣнной достовѣрностью своего источника. По этимъ свѣдѣніямъ, въ Сараевѣ приведено въ исполненіе 40 смертныхъ приговоровъ, въ Нижней Тузлѣ 20, въ Требине и Мостарѣ—80—90 и десятокъ въ Имоцкомъ и остальной Далмаціи. Повѣшенными въ большинствѣ являются православные священники и крестьяне.

Извѣстный инженеръ, имени котораго мы привести не можемъ, разсказывалъ своему пріятелю, что онъ лично видѣлъ вереницу, состоявшую изъ 37 человѣкъ, которую вели къ висѣлицѣ и между которыми было много священниковъ и 6 женщинъ. Очевидецъ-чехъ, военный шофферъ, разсказывалъ, что, проѣзжая черезъ широкую улицу города Требине, онъ замѣтилъ, что на каждомъ деревѣ виситъ по одной жертвѣ. Этотъ добрый славянинъ при видѣ столь ужасной картины чуть не сошелъ съ ума; въ пер-

вые мгновенія онъ настолько растерялся, что забылъ объ управленіи автомобилемъ и наѣхалъ на одного изъ повѣшенныхъ.

Больше всѣхъ пострадали тѣ мѣста, куда доходила сербская армія, а потомъ изъ нихъ отступала, какъ-то: Срѣмъ и восточная Боснія. Австрійскія военныя власти, обвиняя обитателей упомянутыхъ областей въ восторженной встрѣчѣ сербской арміи и помощи ей, не знали удержу въ своихъ неистовствахъ, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей. Въ Срѣмѣ, насколько мы могли узнать, повѣшены были болѣе 50 человѣкъ, между которыми была одна учительница. Въ городкѣ Власеница, въ восточной Босніи, расправу съ населеніемъ военныя власти предоставили „легіонашамъ", т. е. вооруженнымъ подонкамъ, которые выгнали обитателей на возвышеніе передъ городомъ и тамъ ихъ не убивали оружіемъ, но просто, какъ лѣсъ, рубили топорами.

Парижская газета „Temps" приводитъ случай невѣроятной дикости „культурныхъ" австрійцевъ въ той же восточной Босніи. Студентъ Іоаннъ Живоновичъ, уроженецъ города Бѣлины, состоя добровольцемъ въ сербской арміи, былъ раненъ въ бою, подобранъ австрійскими солдатами и живьемъ брошенъ въ огонь.

Въ Гацкомъ уѣздѣ, на границѣ Черногоріи и Герцоговины, послѣ повальнаго ограбленія, сожжено было болѣе 57 селъ и деревень.

Приведемъ примѣры того, какъ производились истязанія и избіенія въ этихъ мѣстностяхъ.

Старика Іоки Черанича, лежавшаго больнымъ въ кровати, били до тѣхъ поръ, пока онъ умеръ, а затѣмъ бросили въ огонь въ его же домѣ. Живыми были брошены въ костеръ изъ зажженныхъ домовъ Ѳома Ивковичъ, Илья и Джоле, братья Ивковичи съ ихъ матерью; сожгли сумасшедшую дѣвушку изъ Коритъ (въ Герцоговинѣ) и помѣшаннаго юношу П. Ковачевича, убили 15 лѣтняго юношу, затѣмъ нѣкую Касовицу, 70 лѣтнюю старуху—мать Іевт. Марковича, затѣмъ супругу Максима Перовича съ груднымъ младенцемъ и т. д.

Измучили и изнасиловали супругу Рады Бѣлогрлича, повѣсили несчастную Жоржину Поповичъ въ Автовцѣ, оставивъ ее висѣть въ продолженіе нѣсколькихъ дней, а затѣмъ закопали... въ навозѣ. Поймали старика Петра (Перища) Глоговца и его престарѣлую супругу, измучили и убили ихъ, положивъ старуху на старика и всунувъ имъ въ ротъ отрѣзанныя части ихъ половыхъ органовъ.

Подобную „просвѣщенную“ дѣятельность „культурная“ Австрія проводила не только въ этомъ уголкѣ Герцоговины, но вездѣ, куда проникала ея армія.

Во всей Босніи и Герцоговинѣ запрещены подъ страхомъ смертной казни всякаго рода

собранія. Какой-то простецъ-крестьянинъ изъ окрестностей Сараева, по своей простотѣ душевной и глубокой набожности, предполагалъ, очевидно, что этотъ приказъ о запрещеніи не касается „славы", т. е. годового семейнаго торжества, обычно празднуемаго у всѣхъ сербовъ. Онъ пригласилъ къ себѣ нѣсколькихъ родственниковъ, сосѣдей и священника, чтобы, по установившемуся обычаю, совершить религіозный обрядъ разрѣзанія калача и освященія пшеничной кутьи, и зажегъ свѣчу святителю и патрону своего дома. Кто-то объ этомъ донесъ властямъ, домъ крестьянина немедленно обложили солдатами со всѣхъ сторонъ, и въ тотъ моментъ, когда священникъ приступилъ за трапезой къ освященію хлѣба и кутьи, поливая ихъ краснымъ виномъ при зажженной свѣчѣ,— всѣ они были перестрѣляны, а домъ сожженъ.

Было бы грѣшно и несправедливо по отношенію къ этимъ мученикамъ и жертвамъ не отмѣтить и не подчеркнуть тотъ героизмъ, съ какимъ они погибали и свѣдѣнія о которыхъ у насъ имѣются. Такъ, напримѣръ, видный старикъ, священникъ города Требине, В. Падежанинъ, былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ и публично повѣшенъ. Этотъ мужественный старикъ, идя по дорогѣ изъ тюрьмы къ мѣсту казни, пѣлъ хриплымъ голосомъ сербскія народныя пѣсни и призывалъ сербскихъ коро-

лей—освободителей сербскаго народа; дойдя до висѣлицы, онъ крикнулъ массѣ собравшагося народа: „Смотрите и помните, какъ умираетъ сербъ“. Онъ самъ надѣлъ на себя веревочную петлю. Такою же смертью умерли и два капитана-моряки, о которыхъ упоминалось выше, приговоренные къ смерти въ Эрцегъ-Новомъ (въ Бокка-ди-Каттаро, Castelnuovo), которые, идя по дорогѣ къ мѣсту казни, воспѣвали сербскихъ королей. Точно такъ же велъ себя и герцоговинецъ, приговоренный въ Требине и повѣшенный въ Дубровникѣ. Въ наказаніе за такое поведеніе его повѣсили такимъ образомъ, что онъ мучился болѣе десяти минутъ на висѣлицѣ.

Другой приговоренный, крестьянинъ изъ окрестностей Требине, которому по дорогѣ къ мѣсту казни кто-то изъ толпы бросилъ упрекъ, что онъ когда то и гдѣ то привѣтствовалъ короля Петра, отвѣтилъ: „Кто же васъ въ этомъ разувѣряетъ. Да, я привѣтствовалъ его и теперь могу повторить“. И онъ прокричалъ во весь голосъ: „Ура королю Петру“. Когда прибыли на мѣсто казни, палача на мѣстѣ не оказалось: онъ опоздалъ. Приговоренный, въ ожиданіи палача, сидѣлъ на какомъ то сундукѣ, опираясь о столбъ висѣлицы, и, обращаясь къ жандармамъ, сторожившимъ его, сказалъ: „Что вы? Почему молчите? Пока не придетъ вашъ палачъ, давайте разсказывать что нибудь веселое, шут-

ливое, посмѣемся немного,—вѣдь мнѣ такъ мало осталось жить“. Пришелъ палачъ и судья, прочитавъ смертный приговоръ, обратился къ осужденному съ предложеніемъ сказать свое послѣднее желаніе. „Хорошо,—отвѣтилъ крестьянинъ,—давайте кого нибудь, чтобы онъ записывалъ то, что я скажу“. Секретарь прокурора взялся записывать: это было послѣднее прощаніе осужденнаго на смерть со своими близкими. „Братья, — диктовалъ онъ, — я умираю честно и съ чистой совѣстью. Поймали меня эти разбойники и осудили на смерть только за то, что я не хотѣлъ измѣнить своему народу...“ Молодой секретарь записывалъ, его руки дрожали, а крестьянинъ диктовалъ, диктовалъ...

Группа осужденныхъ на смерть изъ 37 человѣкъ, о которой намъ передавалъ инженеръ, вела себя такъ, что очевидецъ, наблюдавшій ее, будучи до тѣхъ поръ врагомъ сербовъ, говорилъ потомъ своимъ знакомымъ: „До сихъ поръ я ненавидѣлъ сербовъ, теперь же я питаю къ нимъ глубокое уваженіе“.

По свидѣтельству вѣнской печати („N. Wiener Journal“) такою же смертью умерли и три виновника сараевскаго покушенія. И они до повѣшенія пѣли патріотическія пѣсни, и каждый разъ, когда они намѣревались что либо сказать собравшемуся народу, поднималась трескотня

барабановъ, чтобы не дать толпѣ услышать ихъ смѣлыя слова.

Между многочисленными осужденными на смерть были люди и другого типа, не обладавшіе въ столь высокой степени нравственной силой и темпераментомъ, какъ первые. Эти люди, простые, замкнутые въ себя, не выражаютъ свои переживанія и свои мысли словами; чувства, охватывающія ихъ, отражаются на ихъ лицахъ, въ глазахъ. Такъ, напримѣръ, крестьянинъ изъ Невесиня (Герцоговина), шелъ къ мѣсту казни, какъ разсказываетъ очевидецъ, выпрямившись во весь ростъ, потупивъ лишь голову и глаза. Когда онъ дошелъ до висѣлицы, онъ, нахмуривъ брови и скрививъ немного ротъ, быстро схватилъ петлю висѣлицы и сразу нырнулъ въ нее головой такимъ движеніемъ, съ какимъ человѣкъ бросается въ глубокій омутъ или навстрѣчу опасности. Другой крестьянинъ, болѣе простой и непосредственный, такъ сильно ударилъ палача ногой въ грудь, что тотъ, перекувырнувшись, полетѣлъ на нѣсколько шаговъ въ сторону, а самъ онъ накинулъ на себя петлю и повисъ.

Загребская газета „Obzor“ напечатала прощальныя письма двухъ герцоговинскихъ крестьянъ, которыхъ мы отнесли бы къ людямъ второго типа. Въ этихъ письмахъ нѣтъ многословія. Видя, что имъ надо умирать смертью своихъ

славныхъ предковъ—сербскихъ воиновъ, воспѣваемыхъ гуслярами въ своихъ пѣсняхъ, они спокойно прощаются со своими семьями. Обращаясь, по славянскому обычаю, къ старѣйшинѣ дома, т. е. къ самому старшему по возрасту, они писали: „Дорогой мой М... отъ своей судьбы никто не уйдетъ. Я погибаю и завѣщаю Богу и тебѣ заботу о моей женѣ. Прощайте всѣ и оставайтесь съ Богомъ“. И это все, что можетъ въ такую значительную минуту сказать порабощенный и угнетенный сербъ.

Кто мало мальски знакомъ съ характеромъ сербскаго народа, тотъ сможетъ въ приведенныхъ примѣрахъ героизма, проявленнаго въ рабствѣ, усмотрѣть два главныхъ типа. Первый типъ мы встрѣчаемъ на улицѣ, въ городской средѣ; у него героизмъ выражается сразу въ видѣ смѣлаго жеста, смѣло брошеннаго слова или въ видѣ какого нибудь упрямаго вызывающаго дѣйствія противъ своего угнетателя. Среди другого типа, состоящаго въ большинствѣ изъ людей, выросшихъ въ сельской обстановкѣ, вмѣсто этой сангвинической манифестаціи, мы встрѣчаемъ угрюмое молчаніе, потупленный взглядъ, напоминающій взглядъ большого затравленнаго звѣря, пойманнаго и запертаго въ тѣсную желѣзную клѣтку. Они умираютъ со скрежетомъ зубовнымъ, безъ крика протеста; гибнутъ безъ печали, ибо знаютъ, за что гибнутъ; сознаютъ,

что счастье родины стоитъ выше счастья отдѣльныхъ личностей; отдаютъ свои жизни не съ горестью, а съ убѣжденіемъ, что дѣтей ихъ ожидаетъ счастье и свобода подъ скипетромъ независимаго сербскаго государства.

Какъ дивны, какъ величавы эти герои, такъ спокойно отдающіе свои жизни за благо родины, а какъ часто случается, что даже имена ихъ остаются неизвѣстными.

VII.

Армія.

(Мобилизація.– Заложники.—«Легіонаши»).

Приводя факты въ послѣдовательномъ порядкѣ, мы уже прикоснулись къ области существующаго въ данное время военнаго террора, такъ какъ въ нынѣшнее время въ Босніи и Герцоговинѣ не функціонируетъ и не существуетъ другого суда за уголовныя преступленія, кромѣ военно-полевого. Нами перечислены далеко не всѣ вынесенные смертные приговоры: на столбцахъ мѣстной печати перечень ихъ занимаетъ довольно значительное мѣсто и всегда вина осужденныхъ выражается общими фразами „за государственную измѣну", „за шпіонство" или „за оказаніе помощи и поддержки врагу" и т. д.

Еще въ началѣ войны въ Босніи и Герцоговинѣ опубликовано было, что въ своихъ оффиціальныхъ отношеніяхъ къ населенію не только высшей военной власти, но даже поручикамъ предоставляется неотвѣтственная неограниченная власть.

Австро-венгерское правительство, какъ уже было сказано въ началѣ этой книжки, сильно опасалось, чтобы, въ отвѣтъ на объявленіе войны Сербіи, не вспыхнуло возстаніе въ южныхъ областяхъ монархіи, особенно въ Босніи и Герцоговинѣ. Вслѣдствіе этого оно въ самомъ началѣ, частью даже и до начала войны произвело полную мобилизацію всѣхъ подлежащихъ военнымъ обязанностямъ и рекрутской повинности, а всѣхъ остальныхъ, которые мобилизаціи не подлежали, просто заарестовало. Намъ передавали запасные изъ пограничныхъ съ Сербіей и Черногоріей областей, что у нихъ мобилизація произошла такъ неожиданно и произведена была съ такою строгостью, что разосланныя роты изъ мѣстныхъ гарнизоновъ не позволяли запаснымъ даже прощаться съ ближайшими родственниками и взять съ собой хотя бы только теплое платье. У тѣхъ запасныхъ изъ восточной Герцоговины, которые успѣли во время перебраться за границу, сожгли дома, отобрали имущество, а ихъ семьи выселили. Вслѣдъ за запасными власти призвали и „послѣднюю оборону“ и, наконецъ, по такъ на-

зыв. военному „Dienstleitung-Gesetz-y“ отъ 1912 г.: военныя власти призвали всѣхъ способныхъ носить оружіе отъ 18 до 50-лѣтняго возраста.

Намъ удалось повидаться съ запасными изъ Босніи и Герцоговины въ мѣстѣ Гюрѣ (Györ) въ Венгріи, гдѣ находился ихъ главный сборный пунктъ. Видя между ними одного мусульманина со столь искривленною ногою, что онъ явно хромалъ, мы его спросили, какимъ образомъ онъ попалъ въ армію; онъ намъ отвѣтилъ, что „у насъ брали всѣхъ подрядъ, безъ врачебнаго осмотра“. Стоявшій тутъ же унтеръ-офицеръ прибавилъ: „Забрали его, знаете, тамъ—въ Босніи; зачислили въ книги, а теперь разъ онъ записанъ уже трудно его вычеркнуть. Онъ совершенно неспособенъ къ солдатской службѣ и мы употребляемъ его для уборки казармы“. Въ этотъ день была дождливая погода и этотъ „воинъ“, только что чистившій канаву во дворѣ, стоялъ передъ нами весь грязный, безъ фуражки, съ большой метлой въ рукѣ и смотрѣлъ на насъ своими глуповатыми глазами. Слово „маршъ“ вывело его изъ оцепенѣнія и онъ снова заковылялъ къ исполненію своихъ прерванныхъ занятіій.

Сначала власти были въ недоумѣніи, что дѣлать съ этимъ ненадежнымъ мобилизованнымъ элементомъ. Нѣсколько сербскихъ батальоновъ были даже обезоружены и посланы въ провинцію копать рвы и укрѣпленія (такъ назыв. „Arbeits-

detachments"). Такъ, напримѣръ, I и IV боснійскіе полки были въ Карловцѣ, въ Ульмѣ и Вѣнѣ. Позже, когда австрійская армія вынуждена была отступить передъ русскими, занявшими Галицію, боснійскіе полки снова были взяты въ боевую армію, но уже раздѣлены на мелкіе отряды, чтобы легче растворить ихъ между австрійцами и венгерцами. Нѣкоторые южно-славянскіе отряды посланы были даже противъ Сербіи, а потомъ съ цинической тенденціей, посредствомъ печати, говорили о проявленной ими доблести и восхваляли ее. Между тѣмъ достовѣрно извѣстно, что, когда австрійская армія попала въ тиски, эти сербскіе отряды цѣликомъ сдавались въ плѣнъ сербамъ; такое разочарованіе вызвало переброску сербскихъ полковъ на французско-бельгійскій фронтъ, а нѣмецкихъ на сербскій.

И все же, несмотря на всю серьезность момента, на ужасное и тяжелое положеніе, переживаемое австрійскими сербами, ихъ все же не покидаетъ юморъ и шутка. Приведемъ слѣдующій случай: въ городѣ Сплѣтѣ (Спалата) въ Далмаціи, утромъ 1-го ноября прошлаго года на городскомъ кладбищѣ неожиданно появилась слѣдующая надпись: „Вставайте, мертвые, Францъ Іосифъ I дѣлаетъ уже четвертый призывъ своей арміи". Власти опредѣлили награду въ 1000 кр. тому, кто уличитъ виновника. Однако, на слѣдующій день появилась на томъ же мѣстѣ дру-

гая надпись: „Будетъ ли награда уплачена золотомъ или кредитными билетами“.

Насколько представляется возможнымъ судить по доходящимъ до насъ свѣдѣніямъ, югославянскіе гарнизоны крайне враждебно настроены противъ Австро-Венгріи. Для доказательства существованія такого настроенія приведемъ нѣкоторые изъ имѣющихся у насъ фактовъ.

Запасные изъ Гацскаго уѣзда (Герцоговина), мобилизованные вслѣдъ за знаменитыми демонстраціями, происходившими послѣ сараевскаго покушенія, направляясь къ сборному пункту, въ Мостаръ, громили всѣ казенныя зданія, особенно въ городкѣ Невесинѣ, бросали камнями во всѣхъ, кого подозрѣвали въ участіи въ этихъ демонстраціяхъ.

И военныя власти, такъ же, какъ это дѣлали раньше гражданскія, пытались посѣять раздоръ между босняками и герцоговинцами, избравъ какъ средство различіе ихъ религій. Офицеры въ гарнизонахъ говорили противъ сербовъ, оскорбляя этимъ сербовъ-солдатъ, съ другой стороны они подстрекали противъ нихъ ихъ же соплеменниковъ католическаго и мусульманскаго вѣроисповѣданія. Сначала казалось, что дѣло подстрекателей идетъ довольно успѣшно, но скоро солдаты все же поняли, что терроръ направленъ противъ ихъ всѣхъ и совмѣстныя страданія сблизили ихъ; къ тому же придирки

офицеровъ къ южнымъ славянамъ вообще привели даже самыхъ упорныхъ къ сознанію, что всѣ они, несмотря на религіозное различіе, члены одного и того же народа, что они родные братья по крови и языку.

Враждебность юго-славянскихъ отрядовъ противъ Австріи явствуетъ также изъ многихъ фактовъ, сообщенныхъ итальянской и русской печатью, приводить которыя мы не станемъ, такъ какъ они уже общеизвѣстны.

Говоря о репрессіяхъ, предпринимаемыхъ военными властями противъ „нелойяльныхъ“ областей въ южно-славянскихъ земляхъ, нужно упомянуть и о тактикѣ „забиранія заложниковъ“, которыхъ берутъ во всѣхъ „неблагонадежныхъ“ областяхъ изъ среды самыхъ видныхъ представителей населенія всѣхъ вѣроисповѣданій. Жизнь заложниковъ служитъ ручательствомъ, что населеніе не предприметъ ничего противнаго видамъ властей.

Въ Босніи, Герцоговинѣ и Далмаціи заложники забраны сейчасъ же по объявленіи войны; въ Босніи и Герцоговинѣ православнаго вѣроисповѣданія, а въ Далмаціи католическаго. Въ восточной Славніи и въ Срѣмѣ заложники забраны нѣсколько позже — во время сербскаго наступленія черезъ Саву, послѣ побѣды на Церъ-горѣ. Часть этихъ срѣмскихъ заложниковъ, какъ сообщаетъ мѣстная печать, была

отпущена по домамъ, съ предупрежденіемъ, однако, что она будетъ снова забрана, какъ только въ этомъ появится „надобность“.

Всѣ арестованные въ центрѣ страны и внѣ ея, о которыхъ мы говорили выше, служатъ какъ бы постоянными, „хроническими“ заложниками.

Кромѣ упомянутыхъ двухъ видовъ заложниковъ существуетъ еще и третій, представителей котораго австрійцы возятъ съ собой въ поѣздахъ и пароходахъ, мѣняя ихъ черезъ извѣстный промежутокъ времени. Случается, что одно и то же лицо заложникомъ возятъ въ поѣздахъ по нѣскольку дней. Первыя двѣ группы заложниковъ служатъ гарантіей, что порядокъ въ извѣстной мѣстности не будетъ нарушенъ; третьей же группѣ своей жизнью предназначено защитить поѣздъ или пароходъ, на которые ихъ съ собой сажаютъ, отъ какихъ либо покушеній.

Заложники отвѣчаютъ своей жизнью не только за дѣйствія своихъ согражданъ, но даже и за покушенія сербскихъ комитаджіевъ, которые дѣйствуютъ вмѣстѣ съ сербской арміей. Такъ, напримѣръ, во время сербскаго наступленія въ Боснію и Герцоговину въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заложники были разстрѣляны за покушенія, произведенныя комитаджійскими отрядами, особенно у моста города Коницы (въ Герцоговинѣ).

Нѣкоторые случаи разстрѣла заложниковъ отмѣчались мѣстной печатью.

Этотъ крайне суровый способъ,—ставить на пути врага въ помѣху его успѣхамъ,—жизнь его порабощенныхъ соплеменниковъ, крайне связывала комитаджійскіе отряды въ ихъ дѣйствіяхъ въ Босніи. Мало того, Австрія проявила еще болѣе яркіе примѣры своей безчеловѣчности. Такъ, занявши городъ Шабацъ въ Сербіи и опасаясь нападенія съ окрестныхъ, очень выгодныхъ въ стратегическомъ отношеніи для сербовъ позицій, австрійскіе солдаты гнали передъ собою цѣлыя толпы шабацкихъ жителей, стариковъ, женщинъ и дѣтей, чтобы ихъ тѣлами создать себѣ защиту отъ сербскихъ выстрѣловъ.

Забираніе заложниковъ практиковалось въ югославянскихъ земляхъ и въ другихъ случаяхъ, допустимыхъ только въ Австро-Венгріи.

Въ рождественскій сочельникъ прошлаго года въ городъ Сплѣтъ (въ Далмаціи) собраны были всѣ запасные сосѣдняго города Сѣня и его окрестностей; запасные состояли сплошь изъ католиковъ. Военныя власти предположили, что они поѣдутъ дальше по назначенію въ вечеръ того же дня. Запасные, однако, отказались, они говорили: „Мы хотимъ остаться здѣсь отпраздновать канунъ Рождества“. Начальникъ, чтобы принудить ихъ къ исполненію приказа, схватилъ пять видныхъ народныхъ представителей города

Сплѣта и связанныхъ, какъ разбойниковъ, привелъ ихъ къ непокорнымъ и возмутившимся запаснымъ, и, поставивъ ихъ въ рядъ у стѣны приказалъ приведшимъ ихъ солдатамъ зарядить ружья и взять на прицѣлъ. Покончивъ съ приготовленіями, командиръ прочелъ передъ запасными слѣдующее: „Если запасные не поѣдутъ немедленно по назначенію, то эти люди будутъ разстрѣляны“. Конечно, запасные, не желая смерти своихъ невинныхъ соплеменниковъ, покорились приказу.

Въ Бокка-ди-Каттаро, въ крѣпости Мамула были собраны всѣ заложники изъ окрестностей, и въ тотъ моментъ, когда французы неожиданно начали бомбардировку этихъ укрѣпленій, взбѣшенный командующій фортомъ, не довѣряя заложникамъ, приказалъ всѣхъ ихъ связать по ногамъ и рукамъ, загналъ ихъ въ какой то дворъ и пригрозилъ: если кто либо изъ нихъ скажетъ какое бы то ни было слово, онъ ему разобьетъ „морду“ или немедленно разстрѣляетъ.

Яркимъ примѣромъ жестокаго отношенія австрійскихъ военныхъ властей къ заложникамъ можетъ служить случай, произошедшій у моста на Link Дринѣ, возлѣ города Фочи, въ Герцоговинѣ. Тамъ заложниками были шесть видныхъ гражданъ. Какой то капитанъ подошелъ къ нимъ и сказалъ, что они могутъ быть совершенно покойны и что имъ рѣшительно нечего бояться.

Но не прошло и часа послѣ этого успокоенія, какъ на нихъ вдругъ напали солдаты и стали колоть ихъ штыками,—безъ какого бы то ни было повода со стороны заложниковъ. Изъ шести человѣкъ наповалъ было убито четыре, между которыми былъ священникъ Р. Кочовичъ; остальные двое— Василій Кандичъ, священникъ и Миланъ Х. Вуковичъ, торговецъ—были тяжело ранены.

Въ самомъ трудномъ положеніи находятся заложники, которыхъ таскаютъ по поѣздамъ и пароходамъ. Они больше всѣхъ подвергаются оскорбленіямъ, потому что постоянно имъ приходится имѣть дѣло съ грубыми, простыми австрійскими солдатами, въ обществѣ которыхъ они постоянно находятся. Одному старику, священнику изъ окрестностей Сараева, солдаты, сопровождавшіе его, обвязали тоненькую веревочку около шеи и, таская его по селамъ и деревнямъ, предлагали всѣмъ мимопроходящимъ: „Пожалуйста, купите собаку“.

На желѣзнодорожной станціи Илиджа (курортъ недалеко отъ Сараева) однажды остановился поѣздъ и патруль вывелъ оттуда четырехъ заложниковъ, между которыми былъ и священникъ. Ихъ подвели къ стѣнѣ и сказали имъ, что такъ какъ подъ поѣздъ кѣмъ-то былъ брошенъ камень, то они, какъ заложники, должны быть разстрѣляны. Каждый изъ нихъ долженъ

выкопать себѣ яму и потомъ имъ дается время для молитвы. Несчастные вырыли могилы и помолились Богу; капли холоднаго пота покрыли ихъ лбы. Стоявшіе передъ ними солдаты то заряжали ружья, то прицѣливались, а потомъ вдругъ опустили ихъ и дико захохотали; оказалось, все, что они продѣлали съ заложниками, было лишь „шуткой“ съ ихъ стороны.

Въ Загребѣ, въ Хорватіи, точно такъ же солдаты, переводя арестованныхъ изъ одной тюрьмы въ другую, останавливали ихъ, подводили къ стѣнамъ, прицѣливались, будто собираясь разстрѣлять, а потомъ заявляли, что лишь „пошутили“.

Такъ веселится и развлекается „доблестное“ войско „милостиваго отца“ своихъ подданныхъ, „благодѣтельнаго“ государя Франца Іосифа I, шутя жизнью своихъ согражданъ. Истинный „юморъ висѣльниковъ“.

Большимъ несчастьемъ для страны представляютъ наѣздные отряды, такъ назыв. „штрейфкорпусы“ („Streif-Corps), разбросанные по разнымъ, особенно пограничнымъ, мѣстностямъ для наблюденія за порядкомъ. Къ этимъ наѣзднымъ отрядамъ придана еще часть такъ называемыхъ „легіонаша“. Относительно этихъ послѣднихъ необходимо сказать нѣсколько словъ, чтобы знать, что они собой представляютъ и какія цѣли себѣ ставятъ.

„Легіонаши“—это уроженцы Босніи и Герцоговины, мусульманскаго и католическаго вѣроисповѣданія, не взятые въ регулярную армію; изъ нихъ-то были впослѣдствіи сформированы „вооруженные отряды“. Въ мѣстныхъ органахъ они фигурируютъ подъ разными названіями: „легіонаши“, „добровольцы“, „доморощенные отряды“, „гражданскія собранія“ и т. д. Зачатки этихъ „легіонашскихъ“ отрядовъ слѣдуетъ искать въ сараевской черни, которую полиція собрала по улицамъ, какъ уже было сказано, для демонстрацій и погрома сербскихъ домовъ въ Сараевѣ и другихъ мѣстахъ страны послѣ сараевскаго покушенія. Эти отбросы общества, собранные изъ самыхъ темныхъ угловъ страны, понадобились боснійско-герцоговинскому правительству для изображенія „справедливаго народнаго гнѣва“ противъ „измѣнниковъ“—сербовъ. Послѣ объявленія войны (15 іюня 1914 г.) полиція приказала Адемъ-Агѣ-Мешичу въ Сараевѣ и Муягѣ Комадинѣ въ Мостарѣ приступить къ организаціи этой черни въ „добровольческіе отряды“. Каждому изъ нихъ было обѣщано полное снаряженіе и пища и, кромѣ того, ежедневное жалованье въ 3 кроны. Эти общественные отбросы, по мнѣнію полиціи, должны были держать въ безпокойствѣ сербскихъ жителей страны. Зная хорошо психологію этой темной черни, которая въ сущности очень труслива и не желаетъ под-

вергать себя опасности, полиція дала понять, что ей выгоднѣе явиться добровольно и зачислиться въ упомянутые отряды, иначе она сумѣетъ принудить ихъ къ этому силою и тогда ужъ, конечно, безъ всякой оплаты. Такимъ образомъ собрано было до 200 человѣкъ, которыхъ обучали владѣть оружіемъ.

Въ это время какъ разъ сербская армія повела наступленіе на Боснію и Герцоговину и „легіонаши", какъ и всякіе трусливые и продажные люди, сильно испугались и поспѣшили выписаться изъ „добровольческихъ" отрядовъ. Полиція, видя свое безсиліе, передала все дѣло въ руки военной власти, которая немедленно опубликовала приказъ, въ силу котораго въ „добровольческіе" отряды должно было записаться все взрослое — мусульманское и католическое мужское населеніе страны, не вступившее по какимъ бы то ни было причинамъ въ мобилизованные отряды, не имѣющее физическихъ недостатковъ и не старше 65 лѣтъ; уплата ежедневнаго жалованья въ 3 кроны отмѣняется Съ появленіемъ этого приказа число „добровольцевъ" сразу увеличилось въ нѣсколько разъ противъ прежняго. Къ сожалѣнію, мы не въ состояніи даже приблизительно опредѣлить число ихъ.

Мы уже говорили о томъ, что военныя власти не питаютъ особеннаго довѣрія къ тузем-

цамъ, населяющимъ страну, особенно старшихъ возрастовъ и болѣе сознательнымъ, когда они находятся на фронтѣ противъ Сербіи и Черногоріи. Не ожидая отъ нихъ тамъ особенно ощутительной пользы, ихъ задерживаютъ внутри страны для наблюденія за порядкомъ. Само собою разумѣется, что все сказанное относится къ мусульманамъ и католикамъ, такъ какъ православнымъ обывателямъ страны власти совершенно не довѣряютъ. Мѣстныя власти даже сами предлагали католикамъ и мусульманамъ оставаться внутри страны, ибо имъ тутъ будетъ лучше, чѣмъ на боевой линіи. Такимъ путемъ были организованы во всѣхъ сербо-хорватскихъ областяхъ „добровольческіе“ отряды, которые въ городахъ называютъ „гражданскимъ собраніемъ“ (см. „Hrvatski Pokret“, № 212 и 215).

Мѣстныя власти, однако, не всегда бываютъ довольны и этими, ими самими созданными отрядами, какъ, напримѣръ, „гражданскимъ собраніемъ“ въ Бокка-ди-Каттаро. Тамъ существовало, какъ говорятъ, еще съ 1103 года маленькое общество подъ названіемъ „Бокешка Морнарица“ (флотъ Бокки-ди-Каттаро). Власти призвали членовъ этого общества и приказали имъ образовать „гражданское собраніе“ или отрядъ „легіонаша“, такъ какъ имъ легче будетъ наблюдать за порядкомъ въ своемъ городѣ съ окрестностями, чѣмъ быть на позиціяхъ. Члены

общества согласились, сформировали отрядъ, приняли присягу, но власти все же оказались недовольными ихъ службой въ городѣ и всѣхъ ихъ послали на боевую линію противъ Черногоріи, гдѣ они находятся и по сіе время.

Правда, между „легіонашами“ встрѣчаются и порядочные люди, вступившіе въ отрядъ лишь для того, чтобы не быть посланными на поле битвы противъ враговъ монархіи—своихъ же братьевъ. Число такихъ „легіонашъ“ крайне незначительно и большинство все же состоитъ изъ крайне порочныхъ и злобныхъ людей, изъ которыхъ преимущественно и формируются отряды, разъѣзжающіе по странѣ и держащіе „нелойяльныхъ“ въ постоянномъ террорѣ, т. е. въ „порядкѣ“.

Нѣкоторые отряды „легіонаша“ отосланы на фронтъ противъ сербовъ, но всегда какъ отдѣльныя части и со спеціальной цѣлью: мѣшать при отступленіи дѣйствіямъ сербскихъ комитаджійскихъ отрядовъ, а при наступленіи разрушать и сжигать сербскіе дома и деревни, избивать и убивать сербскихъ жителей.

Мы уже говорили о злодѣяніяхъ этихъ отрядовъ въ городѣ Власеницѣ и его окрестностяхъ, когда они топорами рубили сербскихъ жителей во время отступленія сербской арміи изъ восточной Босніи. Такимъ образомъ военныя власти предоставляютъ этимъ бандамъ „легіонаша“ полную свободу въ ихъ злостныхъ дѣйствіяхъ, чтобы

затѣмъ звѣрства, совершенныя арміей, приписать этимъ „нерегулярнымъ“ отрядамъ и изобразить въ такомъ видѣ, что будто возмущенный народъ („гражданскія собранія“) протестуетъ противъ „нелойяльныхъ“ и „измѣническихъ“ стремленій своихъ согражданъ.

Между тѣмъ и въ рядахъ регулярныхъ войскъ распространяется самымъ безстыднымъ образомъ ненависть противъ сербовъ. Такъ, какой то сербъ, капитанъ австрійской арміи, узнавъ объ объявленіи Сербіи войны и борясь съ своимъ національнымъ чувствомъ, сказалъ: „Право, тяжело и подумать, что мнѣ придется стрѣлять въ своихъ же братьевъ“. Эти слова его погубили; по доносу слышавшаго эти слова его приговорили къ разстрѣлу. Власти стараются дать австрійскимъ солдатамъ превратное представленіе о сербахъ, какъ о варварскомъ народѣ, лицемѣрномъ и хитромъ, который слѣдуетъ избивать и убивать, какъ скотовъ. Въ этомъ смыслѣ вполнѣ достаточно будетъ сказано, если мы приведемъ приказъ, напечатанный въ Вѣнской государственной типографіи и розданный всѣмъ офицерамъ на южномъ фронтѣ. Въ приказѣ сказано, что слѣдуетъ убивать всѣхъ пойманныхъ интеллигентныхъ сербовъ, такъ какъ они очень опасны.

Послѣ этого нечего удивляться всѣмъ безчеловѣчнымъ жестокостямъ и чисто звѣрскимъ

злодѣяніямъ, продѣланнымъ австрійскими отрядами въ занятыхъ частяхъ Сербіи, въ восточной Босніи и въ Герцоговинѣ, при чтеніи описанія которыхъ положительно волосы встаютъ дыбомъ. Какъ примѣръ подобной дикости, приведемъ такой случай: венгерцы-солдаты поймали серба—судебнаго писаря—ружьями они переломили ему ноги, отрѣзали ему уши, носъ и, наконецъ, убили его. Этотъ случай былъ установленъ фотографически, а снимокъ отосланъ былъ венгерскому предсѣдателю совѣта министровъ графу Тиссѣ.

Заканчивая эту книгу, мы повторяемъ то, что сказали въ началѣ ея. Понятно, что мы, приводя имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя, вовсе не собирались,—что въ настоящее время совершенно невыполнимо,—дать исчерпывающій перечень всѣхъ злодѣяній и преступныхъ передъ человѣчествомъ дѣйствій, совершенныхъ и совершаемыхъ Австро-Венгріей въ южнославянскихъ областяхъ государства. Лишь съ окончаніемъ войны мы, несомнѣнно, въ состояніи будемъ къ приведеннымъ даннымъ прибавить еще многія другія, и тогда картина всѣхъ этихъ жестокостей, злодѣяній, кажущихся въ краткомъ изложеніи этой книги происходящими на какой-то другой планетѣ, предстанетъ въ болѣе полномъ и яркомъ свѣтѣ. Полагаемъ,

пока достаточно и всего сказаннаго здѣсь, чтобы показать истинно культурному міру, какъ низко пало въ своей тупой злобѣ, до какой утонченной жестокости противъ своихъ подданныхъ дошло то государство, которое вѣками претендовало на громкое имя „носительницы культуры и просвѣщенія между балканскими народами“.

Мы преслѣдовали только одну цѣль—обратить вниманіе культурнаго міра, особенно русскаго общества на ту, въ настоящее время скрытую отъ нашихъ глазъ, въ высшей степени позорную войну, которую ведетъ Австро-Венгрія какъ въ тылу фронта, такъ и въ областяхъ своего государства—противъ южныхъ славянъ.

Кончится война и мы обратимся къ международной анкетѣ, которая провѣритъ всѣ преступленія, совершаемыя теперь подъ сурдинку австрійскими властями и арміей; попутно эта анкета установитъ, что нынѣшній союзъ между австро-германцами и турками является вовсе не случайнымъ, что у тѣхъ, какъ и у другихъ, существуютъ одни и тѣ же идеи и понятія о справедливости; наконецъ, что ихъ спаиваетъ одинъ и тотъ же недостатокъ гуманитарныхъ чувствъ.

Сербскій народъ въ своемъ прошломъ страдалъ вѣками какъ отъ турокъ, такъ и отъ германо-венгровъ, и онъ по опыту знаетъ, что вто-

рые куда хуже первыхъ. Но сербскій народъ знаетъ и то, что онъ, мученически страдая, пережилъ владычество турокъ,—онъ перенесетъ неистовыя страданія, причиняемыя тевтонами и мадьярами; онъ перенесетъ всѣ испытанія, какъ бы они ни были тяжелы, и придетъ, наконецъ, тотъ счастливый и желанный день, когда лучи солнца свободы озарятъ своимъ животворнымъ свѣтомъ его не однажды залитую кровью родину. Тогда онъ — поэтъ душою — создастъ въ своихъ чудныхъ пѣсняхъ нетлѣнный памятникъ своимъ мученикамъ героямъ, страдавшимъ и сложившимъ свои головы за свободу родины и блага своихъ потомковъ.

На скрижаляхъ исторіи сербы будутъ записаны, какъ достойный примѣръ народа, котораго враги мучили, распинали между двумя разбойниками и который все же живъ остался.

По южно-славянскому вопросу напечатаны въ Петроградѣ слѣдующія сочиненія:

1. **А. Беличъ,** проф. Бѣлгр. Университета. Сербы и болгары въ Балканскомъ союзѣ. СПБ. 1913. Цѣна 75 коп.

2. **Balkanicus.** Сербы и болгары въ Балканской войнѣ. СПБ. 1913. Цѣна 20 коп. (распродано).

3. **Balkanicus.** Албанская проблема и Сербія и Австро-Венгрія. СПБ. 1913. Цѣна 50 коп.

4. **М. М. Вукичевичъ** и **Д. Семизъ.** Сербы и болгары въ борьбѣ за свободу и культуру. СПБ. 1913. Цѣна 1 руб. (разошлось).

5. **М. М. Вукичевичъ.** Король Петръ и Сербія. Петроградъ. 1915. Цѣна 80 коп.

6. **К. Е. Шулеповъ.** Quo usque tandem, Болгарія—отношеніе Болгаріи къ Россіи въ настоящую войну. Птгр. 1915. Цѣна 50 коп.

7. **Марко П. Цемовичъ.** Современныя славянскія проблемы. Птгр. 1915. Цѣна 1 руб.

8. Сербско-болгарскій споръ за обладаніе Македоніей (труды Общества славянско-научнаго единенія). Птгр. 1915. Цѣна 1 руб.

